

III

64.728

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН
ЯКУТСКИЕ
ВОЛШЕБНЫЕ
КАЗЬМЫ

Анатолий Сльхон

ЯКУТСКИЕ
ВОЛШЕБНЫЕ
СКАЗКИ

Гюргуне
стремительном
светлом
витязе

Иркутское
областное государственное издательство

1950

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Якутский народ хранит множество сказок, былин, песен и других произведений устного национального творчества. Из поколения в поколение передаются в якутском народе «олонхо» — волшебные сказания о чудесных подвигах и необычайных приключениях богатырей. Наиболее известным «олонхо» в Якутии является сказание о Нюргуне Стремительном Светлом Витязе. До сих пор в колхозах, в передвижных палатках оленеводов и охотников, в детских садах, в школах Якутии рассказываются волшебные народные сказки о славном воине, боровшемся за свободу и счастье своего народа. В нашей книге напечатаны пятнадцать волшебных сказок о Нюргуне, переведённых на русский язык и обработанных для детского чтения писателем Анатолием Ольхоном.

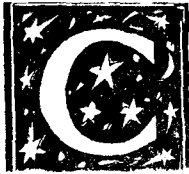
Шлите отзывы об этой книге по адресу — г. Иркутск, улица Красной Звезды, дом 18,

**Иркутское областное
государственное издательство.**

СКАЗКА ПЕРВАЯ

О СЕРЕДИННОЙ ЗЕМЛЕ И ЖИТЕЛЯХ СОЛНЕЧНЫХ ДЕРЕВЕНЬ

ТРАНА такая в сказке есть—Серединной Землёй зовётся.

Деревья в той стране прямые, огромные, кора на них чешуйчатая, жемчужная; листья зелёными изумрудами блестят. Вершины деревьев—до самых облаков тянутся. А там где деревья расступились, поляны лежат в цветах, в травах густых, как мягкая оленья шерсть.

В той стране горы высокие, холмы круглые, а на склонах гор—песок красный хрустит, чёрные камни сыплются, белая глина сохнет. Вот такая красивая эта страна.

В той Серединной Земле днём всегда светло и ночью тьмы никогда не бывает. Днём солнце золотым костром светит, ночью луна серебряный фонарь в небе зажигает. Звёзды в полночь и в полдень видно, такие они яркие.

В той Серединной Земле девяносто рек плещутся шумно, восемьдесят озёр сверкают-красуются, семьдесят ручьёв бурлят зимой и летом.

На южный конец Серединной Земли если поглядеть, удивиться можно. Девять высоких утёсов, будто девять коней крылатых, взлетели к самому поднебесью, повисли над лесами и озёрами, Серединную Землю с юга закрыли.

На восточном конце Серединной Земли тайга сплошной стеной выросла. Ельник голубой, как песцовая шкурка, сосны пёстрые, как спина россомахи, кедры тёмные, как медвежьи спины, а лиственницы желтеют осенью ярче лисиц-огнёвок.

На северном конце Серединной Земли восемь полосатых скал поднялись, словно огромные быки навстречу холодным ветрам лбы выставили, Серединную Землю заслонили.

А с западной стороны огородило Серединную Землю великое море. Грохочут волны на этом море так, что даже у тех, кто за семь дней пути от моря живёт, и то шум в ушах отдаётся. Сорок заливов на том море, сто островов больших да сто островов малых. Все ручьи и все реки Серединной Земли в это море впадают. Одна река тихо течёт, словно шагом идёт. Другая река будто бы рысью спешит, торопится. Третья река меж камней вскачь мчится.

В длину, если посмотреть, окраины Серединной Земли не увидеть, в ширину, глазом если окинуть, — конца этой земле нету. Просторы земли безмерны — в десять дней на олене не объехать, в тридцать дней на коне не обскать, в пятьдесят дней пешком не обойти.

Птичьи стаи, в облаках живущие, на Серединную Землю сверху глядя, радуются. Из глубоких нор ползучие гады, голову поднимая, Серединную Землю осматривают, дивятся. Вот она какая светлая, большая, нарядная, богатая Серединная Земля!

Кто живёт на такой земле?

На Серединной Земле люди солнечных улусов жили. Двадцать пять деревень на Серединной Земле юрты поставили. Хорошо бы им всем можно было жить, всего в изобилии на Серединной Земле: и лесу много — руби — не вырубшь, и воды в избытке — в жару не пересыхает, и скота на пастбищах сосчитать нельзя — кругом стада, везде табуны. А жили люди солнечных деревень в нужде да тревоге. То одноглазые лиходеи откуда-то в Серединную Землю нагрянут — скот прирежут или угонят. То восьминогие чудовища через море переплывут, юрты в деревнях разорят, детей малых украдут, а старых людей поубивают.

С севера, вместе с ветром, великаны набегали на Серединную Землю. Набегут, траву на полях вытопчут, деревья в тайге поломают, да и людей задавят, если под ноги попадутся.

Так и не знали покоя жители солнечных деревень. Что ни год, не та, так другая беда придёт. В светлой счастливой Серединной Земле люди солнечных деревень счастья мало знали, света мало видели. Сто лет прошло, и пятьдесят лет пробежало, и тысяча лет протянулась, а как стояли двадцать пять деревень — так и стоят, не растут, людей не прибавляется, новых юрт строить некому.

Долго терпели люди солнечных деревень такую жизнь, наконец отчаялись, стали Солнце просить о помощи. Жители Серединной Земли считали себя сыновьями Солнца. Может, это так и было, потому что Солнце — Тёплый Отец всех живущих на Серединной Земле. Услышало Солнце жалобы людские, нахму-

рилось, тучами голову закутало: «Что это такое на Серединной Земле счастья нету, живётся людям плохо?»

Задумалось Солнце-Тёплый Отец не на день, не на два, долго думало, а потом решило помочь жителям Серединной Земли. «Люди на земле—самое дорогое, самое прекрасное, нельзя им не помочь»,—так решило Солнце и пошло на совет к своей жене. А женою Солнца была седая, важная Ясноглазая Матушка-Луна.

СКАЗКА ВТОРАЯ

О ТОМ, КАК ПОЯВИЛСЯ НЮРГУН В СЕРЕДИННОЙ ЗЕМЛЕ

ОЛНЦЕ-Тёплый Отец и Луна-Ясноглазая Матушка жили порознь, по разным сторонам верхнего неба гуляли без отдыха. Где Солнце днём пройдёт, туда ночью Луна заглянет. Ходили они, кочевали по верхнему небу многие тысячи лет и усталости не знали, друг за дружкой следом идут и идут. А иногда и такое время случалось: Луна на одном конце неба придержится, а с другого — уже к ней Солнце подходит. И беседовали они тогда друг с другом издали не торопясь.

Услышав жалобы жителей Серединной Земли, Солнце-Тёплый Отец ушло за тучи, на облаках верхнего неба отдохнуло и зашагало вдогонку за Ясноглазой Матушкой-Луной. Сошлись они в это время близко, как никогда раньше не бывало.

— Слушай, Матушка-Луна, — сказало Солнце, — пришла такая пора, надо помочь жителям Серединной Земли.

— А что им помогать, — говорит Матушка-Луна, — живут они разве плохо, земли у них разве мало, вода в реках пересохла, что ли, или в тайге деревья исчезли, или скот у них повывмер?

— Нет, нет, — отвечает Солнце, — земли у жителей много, вода в реках не пересыхает, деревья в тайге не исчезли, скот не вымирает. Живут люди в Серединной Земле не худо, но и добра не прибывает, новых людей не прибавляется. Нехорошо это...

— Это нехорошо, — говорит Ясноглазая Матушка-Луна, — да отчего всё так в Серединной Земле случается?

— Оттого случается, что несчастий на людскую долю падает много, — говорит Солнце. — И восьминогие чудовища из-за

моря приплывают, над людьми насильничают, и великаны злобные набегают бесчинствовать в деревнях Серединной Земли. Защититься жителям трудно, мало их, да и силы у них против напастей слабы. Хорошо бы всех жителей Серединной Земли богатырями сделать. Как ты, Ясноглазая Матушка-Луна, думаешь?

— Трудно людей богатырями сделать, ты ведь, Тёплый Отец, сам на Серединную Землю не пойдёшь, учить их богатырским делам не станешь?

— А они сами научатся, надо пример только подать!

— Кто подавать пример будет? Ты не можешь, я не сумею.

— Пошлём к людям наших детишек, — говорит Солнце, — пусть они с людьми живут, с людьми растут, людей учат и сами у них кое-чему поучатся.

— Да ведь у нас детишки маленькие, сыну два года минуло, а дочке всего-навсего годик.

— Ничего, среди людей подрастут. Ну-ка, зови их сюда, посмотрим...

Ясноглазая Матушка-Луна тонкое облачное покрывало со своей серебряной головы скинула, поднялась выше верхнего неба, позвала детишек.

Дети Солнца и Луны жили в звёздном саду, за последним сводом хрустального неба. Там, на лазурных полянах, в розовой траве, вместо цветов на янтарных стеблях цвели звёзды: синие и жёлтые, красные и белые, лиловые и золотые, всех красок, какие только есть на свете. Среди этого звёздного сада молочными перламутровыми каплями струился ручей звёздной пыли— Млечный Путь, который виден со всех концов Серединной Земли.

Услышав Матушку-Луну, дети, спавшие под покрывалом из северного сияния, проснулись, подбежали к последнему своду хрустального неба и прыгнули на маленькое облачко, плывшее по верхнему небу между Солнцем и Луной.

Мальчику Нюргуну недавно исполнилось два года. Рождённый на вершине неба, он начал ходить сразу после рождения. Через год Нюргун умел бегать быстрее оленя и ездил верхом лучше старых наездников. Солнце-Тёплый Отец подарило сыну гнедого скакуна ростом в половину большого дерева. Нюргун научился садиться на своего скакуна одним прыжком, не касаясь медных стремян. Такой был проворный мальчуган, что звёзды и те удивлялись.

Дочь Луны и Солнца, годовалую девочку, звали Айтал-Куо. У неё уже выросла коса длиною восемь сажен. Айтал-Куо роди-

лась красавицей и ещё в десятимесячном возрасте научилась петь песни и танцевать.

При рождении детей Солнце-Тёплый Отец прокалило их белым огнём, чтобы они стали крепкими и сильными, а Ясноглазая Матушка-Луна выкупала их в звёздном потоке Млечного Пути, чтобы к ним не приставали никакие болезни.

Волшебные птицы в садах верхнего свода неба пели песни над колыбелями Нюргуна и его сестры. В этих песнях птицы называли будущую силу Нюргуна половиной силы всей Серединной Земли, счастье Нюргуна называли половиной всего людского счастья. Птицы, убаюкивая ребёнка, пели ему, что он должен расти бесстрашным, таким, чтобы злобные глаза на него глядеть не осмеливались, чтобы злые языки при виде его умолкали, чтобы насильники и чудовища при встрече с ним содрогались.

Нюргун, достигнув двухлетнего возраста, уже мечтал прославить своё доброе имя, не пугался летящих стрел, не заслонялся от ударов мечей, не шатался от враждебной силы. Глаза Нюргуна смотрели зорко, руки действовали быстро, ум его был широк и ясен.

Когда брат с сестрой встали на пушистом облаке, по середине верхнего неба, между Солнцем-Тёплым Отцом и Ясноглазой Матушкой-Луной, родители, оглядев детей, улыбнулись друг другу.

— Пусть наши дети принесут счастье Серединной Земле! — сказало Солнце.

— Пусть будет так! — подтвердила Ясноглазая Матушка-Луна.

— Пусть они помогут жителям солнечных деревень жить свободно, трудиться мирно, растить новых людей, строить новые юрты, разводить новый скот и быть счастливыми в жизни.

— Пусть они берегут законы правды и защищают слабых!

— Пусть они хранят колыбели младенцев и уважают стариков!

— Пусть они станут богатырями и сделают жителей солнечных деревень богатырским племенем!

— Да сбудется наше напутствие!

Обменявшись такими словами, Солнце-Тёплый Отец и Ясноглазая Матушка-Луна благословили мальчика Нюргуна и девочку Айтал-Куо. Пушистое круглое облако, словно ковёр, стало опускаться с верхнего свода неба на Серединную Землю.

В том месте, где они опустились, Нюргун вбил четыре железных столба и натянул на них мохнатое шерстистое облако. Так на Серединной Земле появилась новая юрта, в которой Нюргун поселился вместе с сестрой.

Возле юрты Нюргун сделал изгородь и коновязь из жёлтой меди. Гнедого скакуна, спустившегося следом за хозяином на другом облаке, Нюргун привязал к коновязи волосяной верёвкой.

Пока Нюргун ставил юрту, на третьем облаке с вершины небесной синевы к нему спустился отцовский подарок. Это было оружие — длинный упругий лук, стреляющий с грохотом, подобным удару грома. Лук Нюргуна был сделан из пластинок волшебной берёзы, склеенных в девять слоёв жёлчью рыбы из Смертного Моря. Жёлчь этой рыбы была такая клейкая, что её нельзя было растворить ни в какой воде, нельзя было сжечь ни в каком огне. Берёзовые слои, из которых склеен лук, гнулись легче волоса и в то же время были упруги, как самая сильная пружина. Тетива лука была скручена из сухожилия пещерного льва. Стрелы для лука, чернёные серебром, выточили мастера — волшебники небесных гор. Такая стрела, если её пустить, летела со свистом урагана и пробивала семь каменных глыб насквозь.

Вместе с луком и стрелами Нюргун получил смертоносный меч, острый и длинный и такой блестящий, что в лезвие можно было смотреться, как в зеркало. Меч Нюргуна мог разрезать травинку, подброшенную в воздух, как лучшая бритва, и мог рубить надвое самую большую скалу из любого камня. Меч Нюргуна никогда не зазубривался, никогда не тупился.

Кроме лука и меча, Нюргун получил от родителей в подарок острое копьё. Мальчик метал копьё за десять вёрст, пробивая на таком расстоянии два горных хребта. Сквозь самые толстые стволы деревьев копьё Нюргуна проходило, как раскалённая игла проходит сквозь кусочек сала.

Для ближнего боя, когда пришлось бы вплотную схватиться с врагом, Нюргун получил палицу — боевой молот. На полированной, украшенной ободком рукоятке палицы был насажен чугунный серый наконечник, похожий на кедровую острогранную шишку величиной с большого быка. Такой палицей если ударить, можно было расщепить в пыль холм из самого твёрдого камня.

Для защиты от чужого оружия Нюргун получил подарок от матери — круглый шлем из непробиваемого серебра, кольчугу, сплетённую из стальной чешуи огненного дракона, боевые перчатки из пластинок мамонтовой кости, закалённых в холодном пламени, наколенники из зубов неумирающего кита и пояснагрудник из кожи тысячелетнего моржа. Кожа тысячелетнего моржа такая твёрдая, что её нельзя распилить даже раскалённой пилой.

Когда Нюргун надел на себя все боевые доспехи и вскочил на коня, возле юрты сверкнули молнии, свет которых поднялся

к верхнему своду неба. Солнце-Тёплый Отец и Ясноглазая Матушка-Луна увидели своего сына, сидящего на гнедом скакуне, на Серединной Земле, увидели и залюбовались:

— Сын будет достоин родителей! Всё ему пришлось впору, всё ему пришлось в силу!

Нюргун стал примерять оружие и доспехи, а сестрица его Айтал-Куо развела в новой юрте негасимый огонь, вымыла пол, поставила на очаг котёл с молоком и вышла полюбоваться братом.

Пока Айтал-Куо любовалась братом и заплетала свои восьмисаженные гладкие косы, с неба опустилось ещё одно облако, на нём отец и мать посылали дочери подарки. Тут была посуда чеканная, иголки золотые и самоцветные, нитки для рукоделий и много разных нарядов.

О нарядах красавицы-дочки Ясноглазая Матушка-Луна давно позаботилась. Одних платьев и шуб для Айтал-Куо журавлихи-портнихи нашили целую гору. Были платья из бобровых шкурок, тёмные, как зимние сумерки; были платья из отборных рысьих мехов, сверкавшие, как стеклярусная вышивка; были платья из красных лисиц, такие яркие, что можно было поджечь сухие дрова; были платья из белых песцов, от блеска которых становилось светло и под землёй; были платья, сшитые из разномастных соболей, которые переливались при свете и в темноте, точно драгоценные камни.

Айтал-Куо сразу стала самой завидной невестой на всей Серединной Земле. Она примерила только одно платье, сделанное из шкурок чёрной белки, вышитое разноцветными перьями морских птиц. В этом наряде Айтал-Куо засияла, будто весенняя радуга. Солнце-Тёплый Отец и Ясноглазая Матушка-Луна увидели свою дочь, стоящую возле новой юрты на Серединной Земле, и заулыбались друг другу:

— Дочь будет красавица, домовитая работница, подарок наш ей пригодится!

Нюргун и Айтал-Куо, услышав родительские слова, подняли головы, встали рядом и поклонились. Нюргун поклонился, будто кремнёвое деревцо. Айтал-Куо поклонилась, словно гибкая жемчужная ёлочка. Потом Нюргун снова поднял голову и сказал такие слова:

— Солнцеликий батюшка, Тёплый Отец, и Ясноглазая Матушка, дорогие родители! Вы нас, детей, несмышлёншей, выкормили, взлелеяли, выпестовали, уму научили, разуму наставили. За это наше спасибо душевное примите. На Серединной Земле мы ваш наказ выполним, вас будем помнить, трудиться станем

достойно, ссор между нами дома и в пути не будет и с соседями будем жить дружно...

Так поселились среди солнечных деревень Нюргун и Айтал-Куо в Серединной Земле, завели с соседями знакомство, разводили скот, делали кумыс, украшали свою юрту и поддерживали в очаге негасимый огонь.

СКАЗКА ТРЕТЬЯ

О ТОМ, КАК КОНЧИЛОСЬ ДЕТСТВО НЮРГУНА

Жил Нюргун со своей сестрицей Айтал-Куо на Серединной Земле год, жил два года и три года, и бедствий никаких не видел, напастей никаких не встречал, сам никого не обижал, и его никто не обидел.

Быстро рос Нюргун, а сестра его ещё быстрее хорошела. У него, что ни год — силы вдвое прибавлялось, у неё, что ни месяц — красоты втрое прибывало. Жители солнечных деревень, глядя на них, любовались да радовались, в гости к ним часто ездили, и Нюргун с сестрицей отгащивать ездил к соседям часто. Посадит сестрицу Айтал-Куо впереди себя, поводья золочёные натянет, коню своему гнедому свистнет, и скачет себе, как вольный ветер, по лугам, по тайге. Через девяносто рек гнедой скакун перемахивал, через восемьдесят озёр перепрыгивал, через семьдесят ручьёв перескакивал, все двадцать пять солнечных деревень за двадцать пять дней объезжал, не спотыкался и усталости не знал.

Больше всего мальчик Нюргун любил охотничье дело. Тут ему было где разгуляться, силушку свою показать, храбрость испытать. Своей стрелой калёной убивал Нюргун матёрых лосей — выстрелом за десять вёрст без промаха. Горных косматых медведей палицей своей намертво одним ударом глушил. Оленей кругорогих пешком догонял. Полярных волков свирепых за уши разрывал.

Девочка Айтал-Куо вела хозяйство, доила коров, пестовала телят, научилась готовить и жареное, и варёное, и печёное ку-

шанье вкусно и сытно. В свободное время Айтал-Куо наряды перебирала, косы плела свои восьмисаженные, танцевала и весёлые песни пела. На песни и пляски Айтал-Куо была большой мастерицей. Встанет Айтал-Куо на одной ножке, руками взмахнёт—триста раз сама около себя перевернётся, встанет на другой ножке, вскинет руками—пятьсот поворотов вокруг себя сделает. Прыгала она с разбега через деревья и камни высотой с дом. Подскакивала Айтал-Куо выше своей юрты. Быстроногая росла девочка, сестрица Нюргун. А если песни петь вечером начнёт,—ветер затихал, листья, травы переставали колыхаться, со всей тайги птицы слетались слушать Айтал-Куо. Такой у неё голос был чистый и звонкий, что ручейки останавливались послушать, водопады в воздухе замирали, чтобы песенку Айтал-Куо запомнить.

Веселила Айтал-Куо своими песнями и всех людей.

Жители солнечных деревень очень полюбили брата с сестрой. А Нюргун с Айтал-Куо всё росли да подрастали—жителям на удивленье, себе на радость.

Когда Нюргуну исполнилось семь лет, он доставал головой до нижних ветвей столетней лиственницы, в восемь лет он дорос до высоты средних ветвей столетней сосны. А когда мальчику миновало десять лет, он поравнялся ростом с верхушкой прямоствольного кедра. Плечи у Нюргуна были широкие—шесть маховых сажен. Мускулы на руках Нюргуна наливались выпукло, как ядра, величиной каждое с большой камень и такие же твёрдые. Ноги Нюргуна, похожие на круглые стволы гладких сосен, по земле ступали легко и проворно.

На груди Нюргуна можно было ковать железо, такая у него была могучая широкая грудь.

Брови десятилетнего Нюргуна походили на двух чёрных горностаев, вытянувшихся в струнку. Глаза Нюргун имел зоркие, виски покатые, лоб высокий, ровный.

Десяти лет от роду Нюргун походил на двадцатилетнего юношу, такой он был стройный, сильный и по уму рассудительный, совсем, как взрослый.

Слушая рассказы жителей солнечных деревень о нашествиях великанов и нападениях восьминогих чудовищ, Нюргун закипал гневом и досадой. Буйная кровь его горела тогда яростью. Часто говорил он себе:

— Что же эти злобные великаны, эти насильники слабых, кровопийцы и грабители мирных деревень, что же они не заходят сюда, к моей юрте?.. Что же они не показываются моему глазу? Где эти восьминогие убийцы, где эти звероподобные верзилы?

Пусть бы они мне повстречались. Я бы их опрокинул честным боем, повалил бы открытым ударом, показал бы им, что на всякую силу есть сила посильнее! Говорят, где-то в тайге таится Чёрный Верзила, страшилище рода человеческого, пусть бы он мне попался в руки, я бы из него злобную душу выбил, чёрные кости его помял, нечистую кровь выпустил. Где-то, говорят, есть Подземный Драчун — чудовище, пугающее детей. Я бы ему и под землёй глаза выколочил, на аркане за собой приволок, драчливые руки обломал, чтобы впредь никого он пугать не мог, втоптал бы его с головой в жёлтую глину. Говорят, где-то бродит, разоряет деревни и людей губит Железный Великан. Я бы с ним поборолся, железные доспехи его расплющил, дикую его ярость усмирил, смешал бы его силу с песком, закинул бы его голову в болотную грязь. Где они, чудовища заморские, терзающие тайком Серединную Землю? Пусть бы мне показались, я бы с них заморскую спесь копьём соскоблил, загребущие лапы мечом обрубил, хищные челюсти палицей расколочил и остатки в море обратно ногой спихнул. Может быть, они думают, что я прячусь от них?..

Так сам с собою разговаривал Нюргун. Охота ему надоела, в гости он перестал ездить, на танцы смотреть не хотел, песни заводить ему стало невесело; даже с сестрой, красавицей Айтал-Куо, стал Нюргун ссориться, и больше всего молчал. Кушанья ему казались невкусными, кумыс горьким, молоко кислым, ягоды водянистыми. Совсем потерял Нюргун аппетит.

Сестрица, Айтал-Куо, загоревала, не понять ей, что такое случилось с милым братом. Не похож стал Нюргун сам на себя. Что ест, пьёт—не замечает, скучный сидит в юрте, задумчивый, улыбаться перестал на сестрины шутки. И лицо похудело, вытянулось, брови насуплены, губы стиснуты, глаза мрачным огнём полыхают.

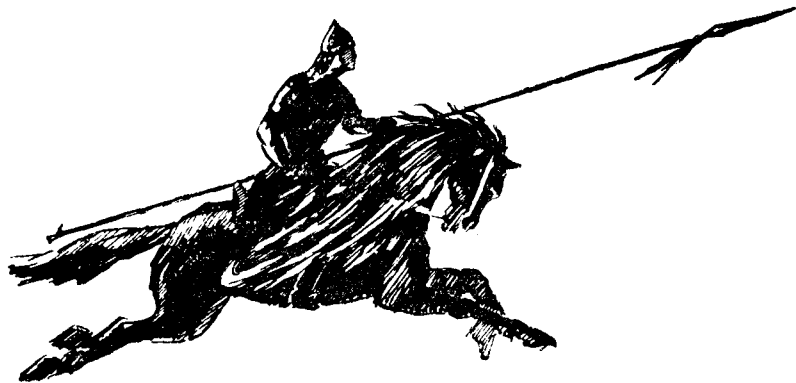
Проснётся ночью Айтал-Куо, из-под своего бобрового одеяла одним глазком поглядит на постель брата, а он и не ложился спать, всю ночь сидит у очага, уголья медной кочергой перемешивает. Днём придёт Айтал-Куо с пастбища, коров пригонит, подоит, парного молока брату принесёт в золотом ведёрке, а брат молоко в огонь выплеснет. Подаст сестра жареное мясо или дичину, брат собакам выкинет. Запоёт как-нибудь вечером Айтал-Куо весёлую песню на дворе, а Нюргун в юрте сидит и ничего не слышит. Начнёт Айтал-Куо плясать, знает, что брат—большой любитель плясок, а нынче Нюргун и головы не повернёт, и не пошевелится.

Станет Айтал-Куо брата в гости звать, тот молчит, отворачивается. А если второй раз позовёт, пожалуй, и обругать может. Непонятный стал братец Нюргун.

От беспокойства за милого брата сестрица Айтал-Куо похудела, от тревоги за Нюргуна сама начала чем-то тревожиться. Скучно стало в просторной юрте, даже на четырёх медных столбах зелень появилась. Коновязь на дворе покосилась, изгородь пошатнулась, — ничего не замечает Нюргун, ничего не видит Айтал-Куо.

Тут-то и случилось страшное дело.

СКАЗКА ЧЕТВЕРТАЯ

О ТОМ, КАК БЫЛА УКРАДЕНА АЙТАЛ-КУО, СЕСТРА ВИТЯЗЯ НЮРГУНА

КАК-ТО осенью скучавший Нюргун поехал на охоту. Долго скакал он на своём гнедом жеребце по тёмным ущельям, по густым чащам, ничего не убил и потихоньку возвращался домой. На коричневом кургане, среди измятой травы, Нюргун остановил скакуна и оглядел безмерную бугристую даль Серединной Земли. Притихшие леса прятались в вечернем тумане; багряные иглы лиственниц, словно жидкий мёд, струились с ветвей.

Необозрима была в этот час спокойная Серединная Земля.

Повернувшись на север, откуда дуют зимние алчные заморские вихри, Нюргун услышал гудящий грохот. Волна холодного дыхания севера катилась на Серединную Землю. Белые облака в низком небе сбились в кучу, серые облака в среднем небе сгрудились в табун, чёрные облака в верхнем небе загустели, как пихтовая смола, а над всеми тремя небесами рыжие облака костром запылали. Ударил вихрь. Сухие деревья в тайге захрустели, повалились. Молодые деревья в лесу согнулись до самой земли, застонали, заскрипели разными голосами. Кусты и подлески заплескались, словно вода в ведре. Трава стала вращаться обратно в почву, такой вихрь налетел. Небо стало трещать от ветра, как береста на огне. Луга и поляны задрожали, будто трясины. Морские волны кипятком вскипели, поднялись выше облаков, обрушились до песчаного дна и снова поднялись гребнями до неба. Зазыбалось морское дно, и реки побежали вспять. Ручьи вмиг пересохли, спрятались под землю. Вершины многих

утёсов раскололись и каменным градом покатались в долины. Откуда-то вспыхнул мутный свет, изломанный, как молния. Весь небосвод заволокся дымными тучами, светлого уголка в небе не осталось.

Пока грозовой вихрь бушевал над Серединной Землёй, по всем лугам выпал иней, который потом не мог растаять и за три дня.

— Ну и ну! — сказал Нюргун, и на минуту зажмурил глаза. — Такой погоды я ещё не видел, такой тревожной поры я ещё не переживал. Как-то дома сестрица моя, Айтал-Куо, бедняжечка, одна сидит? Наверное, обо мне беспокоится. Испугается она этого вихря, да и не случилось бы с ней какой беды...

Сказав так, Нюргун повернул скакуна, махнул тяжёлой плёткой и помчался домой. Подскакал к дому, коня к медной конюязи цепью привязал, скорее—в двери. Распахнул дверь, а в юрте—пусто, очаг погас, а Айтал-Куо, милой сестрицы, и следов нет. Постель её бобровая разворочена. Один столб юрты из земли вышиблен — покосился. Оглядел Нюргун юрту дважды, оглядел трижды, нет Айтал-Куо, только обрывок собольего одеяла в углу дверей зацепился за гвоздь.

Кто-то украл Айтал-Куо, завернул, видимо, её в соболье одеяло и унёс бесследно.

Закричал Нюргун зычным голосом, стал бранить похитителя жестокими словами. От звуков его голоса опрокинулась десятиведёрная кадка с водой, песок и глина на очаге рассыпались.

Пропала милая сестрица, красавица Айтал-Куо, пропала безвестно.

Побежал Нюргун на высокий холм, что стоял вблизи его юрты, встал на вершину и крикнул на весь мир:

— Эй, эй, эй! Батюшка любезный, Солнце-Тёплый Отец! Матушка дорогая, Ясноглазая Луна! Горе моё пришло, беда моя наступила! Несчастье великое на меня нагрнуло! Сестру мою, красавицу, дочь вашу единственную, Айтал-Куо, среди белого дня злая сила похитила. Дыханье моё холодеет, сердце замирает, руки-ноги отнимаются, как подумаю, что во всём я виноват. Оставил дома беззащитную сестрицу одну-одинёшеньку, не побеспокоился о ней, не подумал. Украли у меня сестрицу Айтал-Куо, дочь вашу ненаглядную. Не сберёт я нашу красавицу бедную. Помогите мне умным словом, наставьте добрым советом! Как мне быть, что делать? Где искать мне сестрёнку-бедняжечку?..

После этих слов в вершине неба, в одном углу, тучи-облака раздвинулись, свет просиял, чистый и прозрачный. И услышал Нюргун голос Солнца-Тёплого Отца:

— Эй, эй, эй! Сын наш, дорогой Нюргун! Горю не поддавайся, духом не падай, отчаянье гони прочь! Беда пришла — с нею борись. Несчастье схватило — его побеждай! Злая сила против доброй силы никогда не выстоит, это помни, это себе повторяй! Добрый совет терпеливо послушай, хорошее слово усердно выслушай. Сестру твою, Айтал-Куо, дочь нашу родную, украл Чёрный Верзила. Живёт он отсюда далеко, в той стороне, откуда северный холод вихри гонит. Туда, в своё тёмное логовище, унёс Чёрный Верзила Айтал-Куо, чтобы спрятать её под замком в темнице. Слушай, сын дорогой, Нюргун, моё слово отцовское. Время испытания твоего приблизилось, час мужество твоё показать настал! Покажи себя в добром деле, храбрость проверь, силы попробуй. Поезжай на край света, дорогу ищи, как знаешь, помощи тебе ждать сейчас нельзя, сам всё сделай — освободи свою сестру Айтал-Куо. Злую силу Чёрного Верзилы своей доброй силой уничтожь, накажи похитителя. Оружие у тебя хорошее, доспехи у тебя богатырские, и сам ты должен стать богатырём-витязем. Если добьёшься победы, славу получишь большую, жители солнечных деревень будут тебя уважать, имя твоё пройдёт по всей Серединной Земле. Если ты сестру свою из неволи вызволишь, если ты Чёрного Верзилу одолеешь, тогда оправдаешь имя, которое мы с матерью дали тебе при рождении. Помни, что зовут тебя Нюргун Ботур Джулайар, Нюргун Стремительный Светлый Витязь. Будь достоин своего имени, нас, твоих стариков-родителей, не посрами, сестру твою кровную из плена высвободи. Поезжай смело, борись храбро, смерти не бойся. Кто правду защищает — тот и смерть побеждает...

После таких слов голос Солнца-Тёплого Отца замолк. Светлое окно в небе снова закрылось тучами. Утихающий ветер доламывал в тайге деревья, на луга и поляны падал последний иней.

Нюргун взял своё оружие, надел боевые доспехи, взнуздal гнедого скакуна, прыгнул в седло, натянул поводья и полетел по следам ветра, по буреломам прямёхонько на север.

СКАЗКА ПЯТАЯ

О ТОМ, КАК НЮРГУН ПОБЕДИЛ ЧЁРНОГО ВЕРЗИЛУ
И ОСВОБОДИЛ СВОЮ СЕСТРУ, КРАСАВИЦУ АЙТАЛ-КУО

НЮРГУН мчался на север вдогонку холодному вихрю. Сначала гнедой скакун летел в галоп, прыгая через деревья, перескакивая через горы, перемахивая через озёра. Нюргуну всё казалось, что его конь мчится тихо, и он впервые в жизни хлестнул своего скакуна плёткой с восемью концами. Гнедой скакун рассердился, ударил всеми четырьмя копытами по широкой скале так, что отколол четыре каменных глыбы, каждая величиною с телёнка. Осколки рухнули в пропасть, а конь Нюргуна взвился в воздух, разостлав гриву и разметав хвост вместо крыльев. Встречные птицы шарахнулись, издав издав увидев летящего гнедого скакуна. Конь пролетал сквозь сплошные тучи, перескакивал через одинокие облака, ветер свистел в лицо Нюргуна.

Земля под всадником убегала назад, деревья к земле пригибались, дыхание гнедого жеребца извергало слепящие искры. От такой быстрой езды у Нюргуна в глазах рябило. Потеряв дорогу, он бросил поводья. Но гнедой скакун понимал, куда его направил хозяин и мчался прямо на север, не сбиваясь в сторону ни вправо ни влево даже на полшага.

Сколько времени ехал, Нюргун и сам не знает. От Серединой Земли, от солнечных деревень умчался конь далеко, в неизвестный край, где и в полдень всегда темно. Долго летел гнедой скакун, наконец опустил все четыре копыта на землю, промчался по гранитному ущелью, прогрохотал по железному склону, въехал в мрачную страну вечных сумерек. В этой стране

виднелись только ущербные половинки звёзд, вместо луны висел в сером мутном своде кривой осколок, зазубренный, как дряхлый клык.

Добравшись до этой страны, Нюргун подобрал поводья и стал сдерживать своего скакуна. Кругом пахло палёной шерстью, вонючим смрадом, подобным запаху хорька. В конце страны вечных сумерек шумело безбрежное, бездонное море. Тут гнедой скакун остановился, и Нюргун увидел, что по той стороне моря верхом на огненном трёхголовом змее едет огромный человек, чёрный, как ворон, ростом больше тени самой высокой лиственницы в лунную ночь. Человек этот подъехал на своём змее к полосатой скале, возле которой стояло что-то похожее на юрту с ледяной верхушкой.

Остановившись у входа в своё ледяное жилище, чёрный человек стал глядеть в сторону Нюргуна. А Нюргун смотрел на огненного трёхголового змея и не знал, что ему делать. Вдруг гнедой жеребец трижды громко заржал, потрянул гривой, махнул хвостом, вытянулся и сказал Нюргуну чистой человеческой речью:

— Эй! Эй! Эй! Хозяин мой милый, послушай меня, твоего скакуна, верного товарища. Видишь этого человека на огненном змее? Запомни его имя, это Чёрный Верзила, похититель людей. Сейчас он подъехал к своему ледяному жилищу с добычей. Если он свою добычу в каменное ледяное жильё занесёт — беда большая будет. Не теряй времени, долго не раздумывай, ничему не удивляйся. Садись в седле крепче, поводья натяни туже. Как только Чёрный Верзила в свою берлогу начнёт спускаться, я помчусь за ним следом, там, в его каменной ледяной норе, придётся тебе бой принимать...

Сказав такие слова, гнедой скакун ударил в землю всеми четырьмя копытами сразу. Чёрный Верзила, глядевший в сторону Нюргуна, ощерил огромный зубатый рот и захохотал, а потом сказал чисто по-якутски:

— Ну! Ну! Ну! Добыча моя увеличится, охота моя продолжится, это мне любо, это мне по вкусу. Я, непобедимый Чёрный Верзила, у Нюргуна Стремительного Светлого Витязя сестру украл, а он сам ко мне пожаловал. Ну, ну, ну! Моя теперь пташечка, моя теперь красавица, моя теперь Айтал-Куо. Что хочу, то с ней и сделаю. Есть у меня для неё удобное жильё, подземная комната с решетчатой дверью. Там я её поселю навечно. Выкупаю её в дёгте, вымажу её в тине, посыплю сажей, научу её кушать мертвечину, справлю свою свадьбу. Эй, ты, Нюргун Стремительный Витязь, убирайся, пока я и тебя под землю не утянул, в ледяное жилище под замок не посадил...

После такой речи Чёрный Верзила свистнул, ледяная крыша подземного жилища раскололась пополам, вверх взвилось дымное пламя, запахло смертным смрадом. Из-под земли откуда-то слышались человечесьи стоны и плач. Чёрный Верзила на своём огненном трёхголовом змее стал проваливаться в преисподнее жильё, но гнедой скакун прыгнул через морскую бездну на тот берег, и оба наездника стали спускаться вниз бок о бок.

Когда они опустились на дно вязкой, болотистой преисподней, ледяная крыша захлопнулась над их головами. Чёрный Верзила стал поворачивать три головы своего змея в сторону Нюргуна, тот быстро выхватил длинный булатный меч, подарок отца, и отрубил все три огненные головы вместе с толстыми шеями.

Чёрный Верзила пошатнулся и выронил свою добычу — собожье одеяло, в котором лежала похищенная Айтал-Куо. Обрадованный Нюргун подхватил сестру одной рукой, соскочил с коня, посадил Айтал-Куо в седло, и пока Чёрный Верзила вылезал из-под упавшего безголового туловища змея, сказал гнедому скакуну:

— Верный друг мой, скачи куда-нибудь в сторону, береги мою сестру, лети быстро, чтобы никто тебя в пути не перехватил. Сделай это для меня, твоего хозяина. А когда я тебя позову, где бы ты ни был, явись ко мне на помощь!..

Нюргун хлопнул ладонью по конской спине, гнедой скакун взлетел вверх, разбил копытами ледяную крышу и исчез, словно его и не бывало.

В это время Чёрный Верзила вылез из-под мёртвого змея, хлопнул себя по бокам, поглядел на Нюргуна и от удивления раскрыл зубатый рот.

— Вот дело, так дело! Какая обида мне, какая досада мне! Малыш Нюргун, нивесть откуда появившийся, змея моего любимого обезглавил. Мальчишка, Витязем себя называющий, мою добычу отобрал. Да и этого ему мало, стоит передо мной, не робеет, бежать не бежит, прятаться не прячется, пощады себе не просит. Какая досада мне, какая обида мне! — так кричал Чёрный Верзила, разглядывая Нюргуна.

— Ты что же, малыш несчастный, не знаешь куда явился, не видишь, кто стоит перед тобой? Не ты ли со мною биться хочешь? Давай, давай, потягаемся. Я из тебя храбрость выколочу, ноги твои сломаю, руки твои выверну, твою тёплую кровь выпью. Давно не пивал я человечесьей крови...

Говоря такие слова, Чёрный Верзила стал размахивать руками, разминать себе грудь, готовиться к бою. Нюргун стоял спокойно, и пока Чёрный Верзила натирал себе тело тухлой глиной

и умывал себе лицо жидкой грязью, Нюргун сказал ответное слово:

— Слушай ты, дикоглазый Чёрный Верзила! Ты меня не пугай, ты меня не запугивай, я трусости не знаю. Сестру мою ты решился украсть, поганый вор. Меня ты мерзкими словами оскорбил, родителей моих огорчил-обеспокоил. За это тебе придётся платить чёрной твоей холодной кровью, мерзкой твоей жизнью. Готовься к смерти, готовься к бою! Ты ещё не знаешь, каков Нюргун? Сейчас ты узнаешь...

После этих слов Нюргун отошёл в сторону, пригладил волосы, пошевелил могучими плечами, вытащил смертоносный блестящий меч и, замахнувшись, кинулся на Чёрного Верзилу. Тот ловко увернулся от удара и выхватил чёрную крутящуюся саблю. Смертный поединок начался в подземной стране.

Нюргун с Чёрным Верзилой схватились вплотную. От топота борющихся болотная почва расплескалась, под нею оказался камень. Оба они вскочили на этот камень и начали биться ещё яростнее, камень под их ногами стёрся в песок, а они всё били и били друг друга. От грохота блестящего меча и чёрной сабли потухли половинки звёзд, осколок месяца укатился неведомо куда. Враги стали биться в кромешной тьме. Пот катился с противников ручьями, светлая кровь Нюргуна и чёрная кровь Верзилы брызгали во все стороны. Боролись они день, боролись два, на третий день заколебалась под ними крыша самого нижнего подземного мира.

А в том самом нижнем подземном мире жил отец Чёрного Верзилы, хозяин недр, плешивый Старец Тьмы. Когда на голову ему упала мокрая трясина, отец Верзилы рассердился и позвал своих Стражей Подземелья.

— Это опять мой дурной сын с кем-то драку в своём доме затеял. Ступайте, вытолкайте обоих наверх, в страну вечных сумерек, пусть они там дерутся, пусть борются, как хотят. Надоел мне мой дурной сын, Чёрный Верзила, нет от него покоя даже мне, старику. Побьют его—хорошо, совсем убьют—ещё лучше...

Стражи Подземелья, молчаливые великаны, послушно побежали к борющимся, подойти близко побоялись и долго думали, как им выгнать разъярённых воинов.

Потом молчаливые великаны додумались, подошли ближе и стали дуть на сражавшихся из своих великанских глоток. Поднялся страшной силы ветер, и Нюргуна с Верзилой выдуло сквозь крышу на поверхность страны вечных сумерек. Враги вылетели, как два крутящихся волчка, не переставая бить друг друга и во время полёта.

Опустившись на высокую гору, Нюргун хотел ударить Верзилу по голове, но тот опять увернулся и удар встретил

двойным ударом. Встав близко друг к другу, бились они на высокой горе среди вечных сумерек, бились ещё три дня и три ночи. Никто не мог победить, силы их оказались равными.

На четвёртый день каменная гора под ногами сражающихся стала оседать. Песком запылило глаза спавшему внизу Хозяину Гор. Старик проснулся, рассердился и крикнул своих слуг. Слугами у него были Каменные Столбы с глазами и человеческими головами, а голова у каждого была больше любого круглого утёса. Каменные Столбы подошли к борцам и долго не решались их тронуть. Потом один Каменный Столб подмигнул другим и молвил:

— Вот что, приятели! Выгнать этих борцов не так легко, ударят блестящим мечом или чёрной саблей, пожалуй, и нас разбить могут вдребезги, у этих силы хватит. Давайте делать так: навалимся все вместе да столкнём их в огневое море, там стоит ледяной утёс, вертящийся на одном месте. Пусть там они сражаются, никому не помешают, а кто из них ослабеет, тот провалится в огневое море, туда ему и дорога...

Каменные столбы встали стеной, и не успели борцы оглянуться, как оба полетели с высокой горы вниз и упали оба разом на ледяной утёс, вертящийся среди огневого моря. Встав на ноги, оба немного остыли от пронзительной стужи, окружавшей утёс. Эта стужа не давала ледяному утёсу растаять в горящих волнах огневого моря. Чёрный Верзила, продолжая крутить свою чёрную саблю, кричал:

— Ну, ну, ну! Куда я попал в этой схватке, сам не знаю. И за что напал на меня Нюргун, понять не могу. Что я ему сделал? Это он украл у меня свою сестру, он лишил меня красавицы Айтал-Куо да ещё поклялся убить меня безвинно...

Услышав жалобные речи Чёрного Верзилы, витязь Нюргун обрадовался, блестящим мечом ударил ещё сильнее по чёрной сабле врага и закричал ему в ответ:

— Эй, эй, эй! Ты, похититель людей, душегуб мирных жителей, на что жалуешься? У тебя отняли краденое, отобрали уворованное, а ты ещё клеветашь на мою честь. Нет, теперь поздно, пощады тебе не будет, спасения не найдётся...

С этими словами Нюргун нанёс Чёрному Верзиле тройной удар. Тот зашатался, но устоял на ногах и стал уклоняться от боя, бегать от одного края ледяного утёса до другого. Нюргун наступал следом за своим врагом и, не переставая, бил его блестящим булатным мечом. Тогда Чёрный Верзила, видя, что вот-вот погибнет, начал звать на помощь трёхглавого ворона, своего слугу.

Ворон, огромный, как бочка, прилетёл неизвестно откуда, затрещал чугунными крылами, закаркал ужасным карканьем. Чёрный Верзила сел верхом на ворона и стал одолевать Нюргуна. Теперь Нюргуну приходилось бегать от края до края ледяного утёса, обороняться и от чёрной сабли и от вороньего чугунного клюва.

Крикнул тогда Нюргун своего друга, охотничьего ястреба. Ястреб словно ждал зова, свалился камнем неведомо откуда и вцепился в хвост ворону. Чёрный Верзила оглянулся и соскочил на лёд. Ястреб, ухватив клювом воронов хвост, поднялся в воздух, и там, в высоте, обе птицы стали драться и исчезли в тучах. Верзила с Нюргуном продолжали бой, как и прежде, пешие. На пятые сутки Чёрный Верзила начал шататься от ударов Нюргуна. А Нюргун и сам стал уставать. К вечеру шестого дня вернулся общипанный, ободранный ворон. Он уже не мог носить на себе хозяина и только закричал сверху, закаркал.

— Кар! Кар! Кар! Хозяин, держи, лови ртом, пищу тебе кровавую принёс. Если поймашь — твоё счастье, не поймашь — твоё горе. Больше я тебе помочь ничем не могу...

Чёрный Верзила раскрыл рот и, продолжая бой, поймал губами огромный сгусток багровой крови. Проглотив сгусток крови, Чёрный Верзила ободрился, сила его обновилась, ярость закипела, стал он крепче бить своей саблей, и Нюргун зашатался. В ту минуту ворон, крикнув «Кар», улетел неведомо куда, а над Нюргуном появился высоко в небе потрёпанный, но бодрый ястреб, закричал Нюргуну сверху, заклокотал:

— Гей, гей, гей! Хозяин, держи, лови, лови ртом, пищу сладкую тебе принёс. Если поймашь — твоя победа, не поймашь — твоя гибель. Больше я ничем тебе помочь не могу...

Нюргун поднял голову, раскрыл рот и, продолжая битву, поймал губами огромный кусок прозрачного мёда. Ястреб сейчас же скрылся высоко в небе, а Нюргун ободрился, сила его обновилась, усталости как не бывало, стал он биться крепче, чем в первый день борьбы. Размахнувшись во всю силу, Нюргун ударил по чёрной сабле булатным блестящим мечом так, что отрубил рукоять оружия Чёрного Верзилы. Верзила хотел ускользнуть от второго удара, но споткнулся, и вторым ударом Нюргун сбросил врага в пылающие волны огневого моря. Последний крик Чёрного Верзилы заглушил грохот расступившегося красного пламени. Ледяной утёс, всё время вертевшийся волчком, остановился, стужа от него отхлынула, и лёд стал быстро таять.

Стремительный Светлый Витязь — теперь он мог так себя называть — Нюргун свистнул, хлопнул в ладоши и позвал своего коня:

— Гнедой скакун, товарищ верный, где бы ты ни был, явись сюда! Выноси меня отсюда, а то ледяной утёс растает и я сам могу в огневых волнах сгореть, как сгорел мой враг...

Гнедой скакун мигом очутился рядом с Витязем Нюргунном. Ледяная глыба утёса хрустнула под тяжестью четырёх копыт. В седле сидела Красавица Айтал-Куо и улыбалась брату-победителю. Сел Нюргун на гнедого скакуна, сестру посадил за спиной, натянул поводья, верный конь, натужившись, прыгнул, распластал гриву, махнул хвостом и, пролетев по воздуху над огненным морем, добрался до берега, повернулся на задних ногах в сторону юга и все трое помчались домой, к Серединой Земле.

СКАЗКА ШЕСТАЯ

О ТОМ, КАК НЮРГУН ПОБОРОЛ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕЛИКАНА
И ВЫРУЧИЛ ИЗ БЕДЫ КРАСАВИЦУ ТАРЫМУ-КУН

НЮРГУН Стремительный Светлый Витязь мчался на юг широкой дорогой, пониже высоких облаков, повыше низких туч. Гнедой скакун летел, помахивая гривой, постукивал копытами, оглядывал землю. Нюргун, беседуя с сестрой, любовался уютными долинами, чистыми лугами, густейшими лесами, которые словно текли вниз, сменяя друг друга.

На второй день пути показалась просторная гладкая степь. Было жаркое лето, а в степи медленно пошевевались, тихонько двигались снежные сугробы. Подъехав близко, Нюргун удивился: оказывается, степь была от конца до края полна стадами пасущихся овец и баранов. Животные были все белошёрстные, такие белые, что издали напоминали снежные сугробы.

«Богатая страна, зажиточные люди—скотоводы здесь»,—подумал Витязь Нюргун и поехал дальше. А там за степью появилось ещё чудо: земля была покрыта бугорками, чёрными, рыжими, пегими, серыми, пёстрыми. И все эти бугорки на зелёных долинах передвигались с места на место. Доехав до движущихся бугорков, Нюргун увидел, что это не бугорки, а коровы, быки и телята. Рогатые животные, разношёрстные, разномастные, бродили на пастбищах несметными стадами. Пастухи и пастушки в красивых одеждах ездили между стад на пёстрых круторогих быках.

«Какая богатая, обильная наша Серединная Земля,—подумал Витязь Нюргун,—сколько в ней скота, сколько в ней богатства, какие счастливые жители этих мест...»

На краю леса, зеленевшего под солнцем яркой листвою, Витязь Нюргун заметил посёлок. В посёлке стояли девять высоких урас—кочевых юрт, сделанных из берестовых пластин. Берестяные урасы-юрты стояли рядышком одна с другой и блестели в свете полудня, как жестяные купола. Из верхних отверстий-дымоходов урас поднимались кудрявые клубы мягкого дыма. Напротив больших кочевых урас стояли девять юрт поменьше, сделанных из бычачьих шкур. Маленькие урасы издали казались разноцветными островерхими колпаками. Внутри их тоже горели костры, и дым поднимался к небу шёлковыми выющимися завитками. Около урас, у изгородей, топталось множество привязанных коней. Все кони имели ровную короткую шерсть и сверкали, как будто их смазали жидкой слюдой. Гривы у всех коней, украшенные цветами, опускались до земли, расчёсанные хвосты волочились по траве. Чёлки коней поблёскивали медными и бронзовыми бляхами.

«Богато, богато живут здесь люди, — сказал про себя Витязь Нюргун, — даже коней нарядили медью и серебром».

Между двумя рядами кочевых урас-юрт стояло ветвистое дерево, увешанное лоскутками шёлка, атласными лентами, бусами и бубенчиками. Вокруг ветвистого дерева в землю были посажены молодые берёзки, вырытые в лесу вместе с корнями. На берёзках тоже висели ленты и бусы.

«Красиво живут здешние жители, — повторил сам себе Витязь Нюргун, — нарядно живут, сыто живут, и селенье своё украсить сумели».

В это время гнедой скакун опустился на землю, в самой середине посёлка у ветвистого дерева. Витязь Нюргун не успел оглядеться, как из толпы жителей к нему подошла рослая, толстая не совсем старая женщина. На ней была надета нараспашку рысья доха, вышитая бобровыми хвостами. Голову этой почтенной женщины покрывала якутская праздничная шапка, похожая на чепец, но только с длинными свисающими до пояса наушниками из лучших колымских соболей. В правой руке женщина держала золотой ковшик, украшенный конским хвостом; в левой руке у женщины пенился кубок-чорон, высокий деревянный стакан с резьбой по краям. В таких кубках-чоронах в праздничные дни подаётся кумыс.

Несколько прекрасных нарядных девушек, подошедших следом за почтенной женщиной, несли круглую кадушку, полную доверху кумысом, приготовленным из молока сивых кобылиц. По якутскому обычаю, в белой пене прохладного кумыса плавали жёлтые шарики топлёного коровьего масла. Кто пьёт хмельной кумыс с коровьим маслом, тот никогда не бывает пьяным.

Женщина подошла к Витязю Нюргуну, девять раз ему низко поклонилась и сказала приятным густым голосом, словно пропела в трубу:

— Привет и счастье! Счастье и радость! Радость и поздравление! Тебя, дитяtko Нюргун Стремительный Светлый Витязь, поздравляю с первой победой! Да будешь ты всегда победителем зла, защитником слабых, утешением обиженных, другом живущих на Серединной Земле! Ты прибыл к нам в день нашего летнего праздника—Исыаха. Каждый год в начале лета мы справляем наш Исыах — кумысный праздник; каждый год мы встречаем гостей. Будь нынче ты первым гостем, будь нынче ты лучшим гостем! Привет тебе, Нюргун Стремительный Светлый Витязь!

После таких слов почтенная женщина опять девять раз поклонилась Нюргуну, зачерпнула из кадушки девять раз золотым ковшиком кумысу, налила высокий, точёный из целого куска дерева кубок-чорон и поднесла его Нюргуну.

Сняв боевую шапку, Нюргун поклонился женщине, поклонился девушкам, окружавшим его, поклонился украшенным деревьям и одним духом выпил чорон. А в чорон вмещалось три ведра пенного кумысу и полведра топлёного жёлтого масла. Женщина снова налила чорон до краёв, и снова Нюргун выпил одним духом. Потом поднесла кумысный кубок сестре Нюргуна, стоявшей рядом Айтал-Куо, которая стала маленькими глотками пить прохладное кисловатое питьё, а Нюргун, поблагодарив за угощение, сказал такую речь:

— Уважаемая женщина! Спасибо тебе за привет и угощение, за поздравление и лестное слово. Скажи мне, почтенная женщина, откуда ты знаешь моё имя и в чью честь завели плясочной танец твой весёлые односельчане?..

Тут Нюргун показал на хоровод, который с весёлыми песнями закружился среди украшенных берёз, вокруг многоветвистого дерева. Девушки и юноши, взявшись за руки, притопывали ногами и кружились, как длинноногие весёлые птицы.

Девушки в своих праздничных белых платьях были похожи на северных белокрылых цаплей, а юноши в разноцветных одеждах, выступали в танце, будто узорчатые журавли. Маленькие дети играли около танцующих, а пожилые люди, разодетые по праздничному, стояли поодаль и любовались на играющую молодёжь, попивая кумыс и закусывая жареной олениной.

— Слава о твоём подвиге, слух о твоём имени, Витязь Нюргун, долетели к нам раньше, чем ты примчался на гнедом скакуне, — сказала почтенная женщина.

— Хорошие вести бегут так же быстро, как и плохие. Танец этот наша молодёжь пляшет в твою честь, песни они поют для

тебя. Прибыв в наши селения, ты украсил летний праздник — Исыях; без тебя праздник в этом году был бы печальным...

— Что такое могло помешать веселью на вашем празднике? — спросил Витязь Нюргун.

— Ох, сыночек мой, гость любезный, послушай, если тебе хочется узнать, я всё расскажу, ничего от тебя не скрою, — так заговорила почтенная женщина, и лицо её словно подёрнулось облачком.

— Вот, милое дитяtko, Нюргун Стремительный Витязь, выслушай мои слова. Живём мы на этих степях издавна, отцы и деды поселились, а мы и народились тут. Скот разводим, охотничаем, трудимся, как и все люди на белом свете. Голода у нас не бывает, без одежды никто не ходит, жилища хватает для всех, а тревоги и заботы изжить мы не можем. Много у нас горя в жизни. Налетал на нас, разорял, бесчинствовал Чёрный Верзила, который ездил на огненном змее с тремя головами. Ты его уничтожил, одной бедой меньше стало. Осталась ещё беда лихая, горькая. Живёт у Ледовитого Моря в девяти дворцах Железный Великан, часто он сюда наезжает, грозитя всё истоптать, исковеркать, если я не отдам ему в жёны дочку мою единственную, Тарыму-Кун. Вот дитяtko светлое, Нюргун Стремительный Витязь, какое горе у меня, да и у всех жителей, все любят мою доченьку прекрасную, отраду моей старости. И плясать на Исыях нынче она не вышла, сидит, плачет, бедняжечка, слезами отчаянными. Сегодня последний день с нами доченька. Вечером Железный Великан должен приехать за нею, заберёт моё сокровище, к Ледовитому Морю увезёт...

Почтенная женщина заплакала и уронила золотой ковшик и деревянный кубок-чорон, из которого угощала гостя. Окружавшие нюргунова коня девушки тоже заплакали, хоровод остановился.

— Зачем же ты, старая мать, отдаёшь свою дочь злодею Железному Великану? Сама жалеешь, сама плачешься, а уже приготовилась выдать родное дитя насильнику! — гневно сказал Нюргун и оттолкнул ногой золотой ковшик, подкатившийся ему под ноги.

Почтенная женщина выпрямилась, вытерла рукавом шубы глаза и ответила твёрдым, звенящим голосом:

— Нельзя упрекать в том, чего не знаешь; нельзя думать, что мать по доброй воле со своей дочерью единственной расстаётся. Храбрый ты, Витязь Нюргун, а говоришь не подумавши. Нет таких матерей, чтобы своё дитя недоброму злодею выдали. Зря ты меня попрекнул, Витязь Нюргун. Знай, что если я не отдам Тарыму-Кун сегодня вечером Железному Великану, он все наши

юрты разметет, стада овец и коров уничтожит, а всех жителей в лютый плен, к Ледовитому Морю, угонит — на гибель. Вот почему я решила. Защитить нас некому. Чем всем гибнуть, чем всем погибать, пусть моя Тарыма-Кун одна погибнет, пусть моя дочь одна пострадает, за свой народ себя отдаст, за свою землю жизни не пожалеет...

Нюргун Стремительный Светлый Витязь при этих словах покраснел от стыда, щёки его стали краснее красной смородины. Оказывается, беззащитная девушка, Тарыма-Кун, собой для народа жертвует, оказывается, беззащитная почтенная мать дочерней жизни и счастья для народа не жалеет. Подумав о своих нехороших мыслях, Нюргун сказал:

— На слова мои не обижайся, обидеть тебя не хотел, а дочь твоя в руки Железного Великана не попадётся, клянусь тебе своим честным именем: или я погибну, или Железного Великана погублю. Сюда я его близко не подпущу...

Почтенная женщина заплакала от радости, девушки пёсню запели, парни зашептали, пожилые люди, старики и старухи шумно заговорили:

— Слава бесстрашному Витязю Нюргуну!

— Честь Стремительному Светлому Нюргуну!

— Хвала защитнику слабых, помощнику обездоленных беспретпетному Нюргуну!

Витязь Нюргун подвёл за руку свою сестру, красавицу Айтал-Куо, к почтенной женщине и оказал такие слова:

— Прими в свой дом мою сестру, пусть она живёт у тебя, пока я не возвращусь, пусть она будет тебе второй дочерью. Береги её, как берегла бы свою Тарыму-Кун, храни её и заботься о ней. А если я не вернусь, будь ей вместо родной матери, и если есть у тебя сын, пусть он будет ей братом!..

Почтенная старая женщина снова прослезилась, обняла и поцеловала Айтал-Куо и сказала:

— Так и будет, Витязь Нюргун, клянусь твоей победой!..

Витязь Нюргун вскочил на своего гнедого коня, которого держали под уздцы двое рослых юношей и двое стройных девушек. Натянув поводья, Нюргун поднялся на стремянах и промолвил:

— Покажите мне Тарыму-Кун, пусть я увижу ту, за которую поеду биться насмерть...

Девушки и юноши кинулись к высокой берестяной урсе, распахнули дверь, вывели из юрты закутанную в белое соболье покрывало Тарыму-Кун. Почтенная старая женщина подняла белое соболье покрывало, Нюргун увидел Тарыму-Кун. Ему показалось, что перед ним утренняя заря.

Глаза Тарымы-Кун были грустными звёздами, щёки, как лепестки подснежника, губы темнели розовым шиповником.

Тарыма-Кун ничего не сказала, она только поклонилась Нюргуну, коснувшись рукой до земли. Нюргун тоже больше не вымолвил слова, поднял на дыбы гнедого скакуна, повернул его на задних копытах кругом и взвился в воздух. Мелкие тучки и облачка разбежались с дороги Нюргуна в разные стороны.

Когда Нюргун обернулся, селения уже не было видно. Стремительный Витязь взмахнул плёткой, и гнедой скакун помчался ещё быстрее.

Между полднем и сумерками Нюргун доехал до горной страны. Там, у подножья семи утётов, под необъятно высокой лиственницей сидел громадный человечище. Насадив на острый прут восемь жирных коров, он поджаривал их, повёртывал над огнём костра, в который иногда подкладывал сразу по два, по три сухих кедра. Запах жира и горелого мяса носился в воздухе. Присмотрев Нюргуна, громадный человечище отбросил в сторону прут с насаженными на него недожаренными коровами, вскочил на ноги и выпучил круглые мутные глаза, похожие на заржавленные котлы. Мутные зрачки глаз вращались во все стороны; брови с треском хмурились; длинный тупой нос, тоже цвета ржавчины, вытянулся и зафыркал:

— Хо, хо, хо! Игы-гы! Вот оно что, Витязь Нюргун сюда, ко мне в гости, заехал. А ещё вчера говорили, будто он с Чёрным Верзилой драку затеял и кончить не может. Уже успел, значит, побил Верзилу и сюда добрался. Игы-гы! Игы-гы! Ну, здорово, здорово, Нюргун, садись, сейчас обедать станем. Хо, хо, хо! Ты приехал в добрый час, поздравляй меня, сегодня вечером я женюсь на прекрасной Тарыме-Кун. Ты на свадьбе моей попируешь. В семи дворцах у Ледовитого Моря свадебный пир справлять стану. Ты нынче Витязем стал, Чёрного Верзилу осилил. Я сильных люблю. Кланяйся мне, поздравляй меня, может, друзьями вперёд будем. Хо, хо, хо!..

Захохотав скрежещущим хохотом, Железный Великан протянул Нюргуну огромнейшую ладонь с растопыренными крючками вместо пальцев. Нюргун молча оттолкнул руку Железного Великана, а тот снова зарокотал:

— Игы-гы! Уж не сердись ли ты на меня? Или завидно, что у меня такая прекрасная жена будет? Тарыма-Кун хороша, тебе как она понравилась? Я, брат Нюргун, старуху припугнул, срок назначил: в седьмой день седьмого месяца, говорю, приеду, и выдавайте мне Тарыму-Кун, а то всех в землю втопчу. Старуха-то испугалась, да и согласилась. Вот и день моей женитьбы на-

стал. Ну, смотри, не зазнавайся, Витязь Нюргун, поздравляй меня. Я тебе не Чёрный Верзила, ежели хочешь силой тягаться, давай после свадьбы, сейчас мне убивать не охота, поживи...

Витязь Нюргун от ярости едва не задохся. Пока Железный Великан бахвалился, хвастливые речи говорил, у Нюргуна кровь в сердце, как кипяток в котелке, ключом вскипела. От ненависти к врагу у Витязя Нюргуна ноги к земле чуть не приросли, руки едва из плеч не выскочили.

«Этакая страшная образаина, этакая ржавая уродина такую девушку хочет погубить», — подумал Нюргун и хлопнул себя кулаком по груди, чтобы не сгореть от жара собственной крови. Переводя дыхание, Нюргун закричал:

— Хвастливый болтун, ржавая колода, безумный злодей! Мало ты глумился над мирными деревнями, мало обижал ты жителей, мало ты у них сожрал скота, истоптал лугов, покалечил людей? Ты ещё девушку, единственную дочь почтенной матери, отнять хочешь. Запомни моё слово: этому не быть! Ты осмелился и меня к себе в пособники звать, на твои злодеяния любоваться! Не думаешь ли ты, что, уничтожив Чёрного Верзилу, я перед тобой дрожать буду! Загордился ты своим ростом великанским, своей силой железной. Я с тебя спесь вместе со ржавчиной сшибу, рост твой укорочу, не придётся тебе, встреться со мной, бахвалиться да хвастаться. Час твой пришёл. Свадьбы твоей не будет, пира устраивать тебе не придётся, Тарыму-Кун ты не увидишь. Принимай бой!..

Нюргун выхватил прямой блестящий меч и хотел ударить Железного Великана, но тот отпрыгнул в сторону, в руках его появился пляшущий кривой клинок, от которого сыпались чёрные искры. Железный Великан отбил удар Витязя и с криком: «Хо, хо, хо!» — бросился на Нюргуна.

Началась страшная сеча. Громоподобный стук мечей разносился из конца в конец земли. Борцы истоптали тайгу на три дня пути во все стороны, расплескали четыре реки так, что воды в руслах не осталось. Семь утёсов, под которыми Железный Великан, собираясь обедать, развёл костёр, все разрушились в мелкую пыль, а высоченная лиственница упала, перевернувшись корнями вверх. Ярость Нюргуна не убывала, а сила всё прибавлялась. Метким ударом Нюргун подшиб Железному Великану сухожилья, и тот встал на четвереньки.

Когда подшибленный Железный Великан стал снова подымать свой чёрный пляшущий кривой клинок, Нюргун выбил оружие так, что оно улетело за горы. Схватив белой рукой Железного Великана за проволочные волосы, Нюргун стал его бить головой о землю. От ударов Нюргуна со всех железных мускулов и с

лица Великана посыпалась кусками колючая ржавчина. Тело Великана стало уменьшаться, железная голова треснула и лопнули рёбра. Великан перестал бороться и завопил скрипучим голосом:

— Игы-гы, игы-гы! Стремительный Светлый Витязь Нюргун, ты победил, я сдаюсь тебе, не убивай меня. Я буду твоим работником, я буду для тебя рубить дрова, буду пасти твой скот, буду хранить твои жилища, буду чистить твоего коня. Обещаю тебе быть мирным, не трогать людей, не топтать пастбища, не губить стада. Обещаю тебе отказаться от Тарымы-Кун. Она мне не нужна, бери её себе, если хочешь. Всё бери, только оставь мне жизнь...

— Такие злодеи, как ты, не должны жить. Ты мешал жить другим и убивал. За это ты будешь убит. Слова твои — обман. Когда ты был сильным, ты говорил, что хотел; теперь ты ослаб перед гибелью и потому лжёшь. Но ложь никого не спасала, никому не помогала, не поможет и тебе. Злую силу надо уничтожать, и я тебя уничтожу...

Нюргун натужился, поднял Железного Великана одной рукой, положил на колено и перерезал роговую глотку. Сквозь стальной ошейник в четыре слоя, скрывавший шею Железного Великана, меч Нюргуна прошёл, будто сквозь гнилое дерево. Железную лохматую голову Нюргун затоптал в глину, отыскал чёрный кривой клинок, изломал на кусочки и закинул в бурелом.

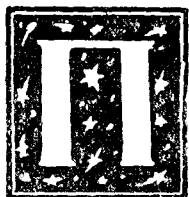
Потом Нюргун сел на гнедого скакуна и без оглядки помчался к Серединной Земле.

СКАЗКА СЕДЬМАЯ

О ТОМ, КАК ИСПЫТЫВАЛИ НЮРГУНА КУПАНЬЕМ В МЁРТВОЙ ВОДЕ

ОДЪЕЗЖАЯ к знакомым местам, Витязь Нюргун ещё издали заметил, что у жителей продолжается праздник—Исыях.

Было раннее утро. У многоветвистой лиственницы горели костры. Берёзки, окружавшие лиственницу, оказались украшены ещё больше, чем вчера; сотни шёлковых лент, серебряных бубенчиков, золотых колокольчиков, алмазных подвесков колыхались на сучьях зелёных деревьев. Большой хорвод шумно кружил возле костров.

Заслышав топот гнедого скакуна, люди остановили танец и побежали навстречу Витязю Нюргуну. Впереди всех торопилась почтенная женщина, правой рукой она вела сестру Витязя Нюргуна, красавицу Айтал-Куо, левой рукой вела свою дочь, прекрасную Тарыму-Кун. Подойдя к Нюргуну, все трое поклонились до земли, за ними поклонился и весь народ. Однако, поклонившись Витязю, люди молча, со страхом, стали глядеть на него, не произнося ни слова. Малые дети, боязливо оглядев Нюргуна, попрятались под шубами матерей. Даже сестрица Айтал-Куо опустила глаза, словно ей неприятно было увидеть родного брата.

«Что такое, — подумал Нюргун, — все они глядят на меня с боязнью, озирают с ужасом, словно я стал чудовищем».

Вдруг прекрасная Тарыма-Кун громко заплакала и упала на грудь матери:

— Мамушка моя родная! Что же это такое, где моя радость? Разве этот грязный, страшный детина меня спас? Разве этот дикий урод — Витязь Нюргун? Взглянуть на него тошно: весь

выпачкан не то грязью, не то кровью, не то ещё чем. Даже тень от него падает кривая. Глаза у него, словно уголья красные тлеют, вместо щёк—одни скулы острые торчат, вместо бровей—колючая щетина, на лице какие-то ржавые коросты насохли. Нет, нет, это не Витязь Нюргун, это кто-то другой в его одежду оделся, его оружие взял, на его коне уселся! Смотреть на страшилище это не могу!

— Доченька, это Нюргун, — сказала почтенная женщина, — он тебя спас, да, видно, битва была нелёгкая, исхудал он, в лице переменялся, кровавой ржавчиной с тела Железного Великана его осыпало. Ты не бойся, дитяtko, лицом богатыри после боя смертного всегда на себя не похожи, потом они успокоятся, в себя придут, своё обличье примут...

Но Тарыма-Кун продолжала рыдать, не слушая матери, а сестрица Айтал-Куо боязливо протянула брату полированное зеркало из белого серебра. Нюргун посмотрелся в зеркало и намурился, стал ещё страшнее. Он тоже не узнал себя, такой был у него дикий, угрюмый вид, такое пугающее, неприглядное выражение лица.

«Понятно, что прекрасная Тарыма-Кун глядеть на меня не может, — подумал Нюргун, — понятно, что родная сестра моего вида страшится. Как я с таким лицом жить стану?»

А почтенная женщина заслонила плачущую дочь, вышла вперёд, поклонилась Нюргуну в пояс и проговорила тихим хитрым голоском:

— Голубчик мой, Нюргун Стремительный Витязь, послушай меня, старуху, не сердись на мою дочь, не обижайся на неё. Выручил ты Тарыму-Кун из беды неминучей, всему народу Серединой Земли доброе дело сделал, услугу оказал большую, Железного Великана уничтожил. Слава твоя умножилась, честь твоя возвеличилась, имя твоё стало бессмертным. А лицом ты переменялся, сам в зеркале видел, да это всё пустяки, вид всегда изменить можно. Вот что я тебе скажу, голубчик мой, защитник наш, поезжай на закат, в пяти днях пути отсюда озеро есть волшебное. Вода в этом озере такую имеет силу: купаешься в ней—опять красавцем станешь. Только надо купаться не просто так, а на три дня и на три ночи в озеро нырнуть и под водою плавать. Железная пыль ржавчины, синий пот усталости, чёрные брызги чужой крови—всё это отмоется, сойдёт с тебя, как шелуха с кедрового ореха. Из того озера выйдешь, постой на ветру, тебя обдует, обсушит. Тогда у тебя такой вид станет, что все глядеть будут и не наглядятся. И моя глупенькая Тарыма-Кун, встретив тебя, пугаться не станет, сама к тебе навстречу побежит. А сейчас ты не сердись на неё...

Витязь Нюргун, услышав такие слова, засмеялся:

— Что правда, то правда. Помыться мне после боёв и странствий не мешает, волшебная вода в озере или просто вода ключевая, а искупаться я согласен. Быть по-твоему, почтенная женщина, пугалом для добрых людей не останусь, сейчас же поеду, в твоём озере выкупаюсь...

Ни с кем не попрощавшись, ни на кого больше не посмотрев, Витязь Нюргун повернул коня и поехал в сторону заката. Через пять дней пути доехал Нюргун до волшебного озера.

Озеро лежало, как в чаше, в круглой впадине, среди ровных, гладких, как стены, гор. На горах не было ни деревца, ни кустика, ни травинки. И ни одного зверя, ни птицы около того озера Нюргун не встретил.

Заглянув с высокого крутого обрыва в озеро, Нюргун удивился: вода в озере кипела без шума, в серых волнах крутились беззвучно громадные стволы окаменевших деревьев и бесчисленное множество круглых серых камней. Дно озера Нюргун не мог разглядеть, такая была в нём густая вода. Долго стоял Витязь Нюргун на берегу и думал:

«Ну и ну! Нашла же старуха для меня купальню. Ведь это озеро мёртвой воды, если я тут купаться стану, не только за три дня, а за три часа омертвею. Какая хитрая, оказывается, мать у прекрасной Тарымы-Кун, благодарила меня за спасение дочери, а сама на гибель послала. Зачем она так меня обманула, боялась, чтобы я дочку её не перепугал своим видом, захотела от меня избавиться? Ай, ай, какая оказалась плохая эта почтенная женщина. Что же мне теперь делать? Разве вернуться обратно, наказать старуху, перепугать всех? Нет, пожалуй, не стоит так делать. Люди смеяться станут. Витязь Нюргун со старухой поссорился, вздумал её наказывать за хитрость. Да ведь и хитрость её сам я своим умом сразу разгадал, обмануть меня не так-то просто...»

Раздумывая таким образом, Нюргун походил по берегу мёртвого озера, поднял голый камень, величиной с годовалого телёнка, и бросил в воду. Камень упал в волны, а под ними, оказалось, плавали подводные глыбы вечного льда. Ударившись о них, камень рассыпался в мелкие крупички. Увидев это, Витязь Нюргун снова задумался:

«Как же быть мне? Если вернусь обратно, за сестрой заеду, все по моему лицу поймут, что я оробел и в мёртвой воде не искупался. Скажут потом, что Витязь Нюргун живых богатырей и великанов победил, а смертной воды одолеть не мог, напугался. Скажут, что дух у меня слабый. Нет, так не случится. Буду купаться в этой мёртвой воде; чему быть, тому не миновать. Старуха-то меня испытать хочет, выдержу я или не выдержу силу

мёртвой воды, хватит у меня твёрдости или отступлю я перед испытанием,—это она узнать хочет. Должен я себя показать презирающим смерть...»

С этими мыслями Витязь Нюргун встал на обрыве, подвязал покрепче свои боевые доспехи, застегнул все кольца кольчуги, затянул пояс, крикнул: «О-го-го» так, что горы вздрогнули, а из озера мёртвая вода волнами выше гор всколыхнулась. После этого Витязь Нюргун бросился на землю, три раза перевернулся с боку на бок и превратился в медную щуку величиной больше толстого бревна. Превратившись в медную щуку, Нюргун растопырил хвостовые плавники, подскочил и вниз головой ринулся в озеро мёртвой воды. Нырнул он глубоко и дошёл до самого дна, быстрее стрелы, пущенной из самострела.

Тяжесть мёртвой воды придавила Нюргуна, и он стоял, в образе медной щуки, вниз головой день и ночь и не мог сдвинуться с места, а только шевелил потихоньку хвостовым плавником.

Неизмеримая тяжесть мёртвой воды волшебного озера давила тело Нюргуна, как сто тысяч стопудовых гирь, и если бы он не превратился в медную гибкую щуку с узким туловищем и зыбкими плавниками, то давление мёртвой воды расплющило бы его в лепёшку. Но щучье тело было упруго и могло пружинить лучше всякой витой пружины. Уткнувшись острой головой в мёртвое дно, Нюргун выдерживал тяжесть воды, пошевеливал кончиками хвостового плавника, а двигаться в какую-нибудь сторону или подняться на поверхность озера не мог. Едва он пытался двинуть всем телом, мёртвая вода начинала бесшумно кипеть, угрожая раздавить медную щуку, разорвать на клочки.

На второй день Нюргун стал слабнуть. Хотя он и превратился в щуку, но мысли у него остались человечьи, думы у него остались свои.

«Что же это такое?»—думал Нюргун в образе медной щуки, чуть колебля плавник хвоста. Чтобы не опрокинуться на бок и не быть раздавленным грузом мёртвой воды, ему пришлось стоять на дне, как он туда нырнул: уткнувшись головой вниз, в мёртвое дно, хвостом вверх.

«Что же это, — думал Нюргун, — неужели я так и останусь навечно торчать на дне мёртвого озера, как осиновый кол, вколоченный в глину. Желание своё я исполнил, презрение к смерти доказал, сердце моё успокоилось, а дух недоволен; в мёртвом озере я сразу не умер, испытание выдерживаю не колеблясь, значит, сила у меня всё-таки есть, хотя и ослабел я за два дня. Старуха, мать Тарымы-Кун, толковала, что надо купаться три дня и три ночи. Осталось мне ещё день да ночь терпеть, буду терпелив.

У кого к силе впридачу терпения много, тому все испытания легче. Соберусь я с силами, терпение покажу, ещё день и ночь в мёртвой воде пробуду, а там начну за жизнь бороться, будь что будет».

Подумав так, Витязь Нюргун в образе щуки затих, перестал шевелить плавниками, стал копить в себе силу. Прошли третий день и третья ночь.

Медная щука, неподвижно стоявшая вверх хвостом на мёртвом дне, выгнулась дугой, подобно молнии, ударилась о мёртвое дно и устремилась наверх, подняв хребтом огромные пузыри тяжёлой воды. Вырвавшись на поверхность озера, медная щука хлестнула хвостом по бесшумно кипевшим волнам и выпрыгнула на тот самый высокий берег, откуда три дня и три ночи тому назад бросалась вниз. На земле медная щука раскрыла рот, вдохнула воздух, несколько раз перевернулась и превратилась в прекраснотелого Светлого Витязя.

Нюргун снова стал самим собою. Гнедой скакун, нетерпеливо поджидавший хозяина, встал перед ним, перебирая копытами, Нюргун вскочил в седло и помчался навстречу выходящему утру, на восток.

Под копытами гнедого скакуна хрустели горы, падали корявые деревья. Облака хлестали Нюргуна по лицу, но он скакал, ничего не замечая. В голове у него была мысль:

«Что ему сделать с хитрой старухой, чуть не погубившей его своим советом, как ему поступить с прекрасной Тарымой-Кун, которая испугалась его страшного вида после боя с Железным Великаном?..»

Подгоняя гнедого скакуна, Витязь Нюргун промчался в три дня путь, на который в первый раз понадобилось ему пять дней. И пока он ехал, не мог решить, как он встретит хитрую старуху и её дочь, что им скажет.

Ещё далеко не доехав до посёлка, Нюргун увидел: там готовится праздник, ещё пышнее, ещё многолюднее, чем было раньше. Старуха встретила молодого витязя, выйдя в поле, оказывая этим честь гостю, которого будто ждала.

Правой рукой старуха держала руку сестры Нюргуна, красавицы Айтал-Куо, левой рукой придерживала руку своей дочери. Тарыма-Кун улыбалась, Айтал-Куо бросилась целовать брата. Все люди, и старые и малые, окружили Витязя Нюргуна. А старуха низко поклонилась, поздравила Нюргуна со счастливым испытанием и подала ему, прежде всего, полированное зеркало из белого золота. Нюргун поглядел на блестящую поверхность и остался доволен своим видом. Все его думы стали светлы, и обиды

против хитрой старухи как не бывало. Но всё-таки Нюргун спросил с насмешкой:

— Будто и вправду ждала моего возвращения, почтенная мамаша? Будто не посылала меня на верную гибель? Отвечай-ка, хитрая обманщица!..

— Что ты, голубчик мой Нюргун Стремительный Светлый Витязь, зачем меня обижать захотел,—заговорила старуха,—разве я тебя обманула, разве я тебе неправду сказала? Сам ты в зеркало гляделся, видел, всё случилось-сталось, как я тебе говорила. Говорила я тебе истину, а что волшебное озеро мёртвой водой полно, так это ты сам увидел. Был бы другой человек, не ты, я бы ему о гибели накаркала, от купанья отговаривала, а ты — Витязь, тебе смерти не страшиться. Не смейся над старой женщиной, не было у меня злых мыслей, когда об озере волшебном тебе рассказывала, ждала я тебя сюда здоровым да светлолицым, от ржавчины кровавой да от синего пота смертного вымытым, так и случилось. И праздник, Исыха новый, в твою честь я устроила, и угощение для тебя, для гостей уважаемых, приготовила. Оставь коня, пойдём в жилище, праздник надо начинать кушаньем да кумысопитием, а потом и повеселимся...

Нюргун сошёл с коня, девять юношей в праздничных кафтанах, похожих на пёстрых журавлей, расседлали гнедого скакуна, на одной уздечке увели коня на шёлковый травостойный луг. Девять пригожих улыбчивых девушек сняли с Нюргуна боевые доспехи и понесли оружие Витязя в лучшую урасу — берестяную юрту из гладкой берёзовой коры.

Сестрица Айтал-Куо и прекрасная Тарыма-Кун взяли Нюргуна за руки, впереди пошла хлопотливая старуха. Нюргун шёл и, смеясь, говорил:

— Вот какая, оказывается, эта почтенная мамаша Тарымы-Кун, хочет меня после своей купальни угостить да развеселить. Пусть будет исполнено её желание...

Внутри широкой многостенной юрты разостлали ковры и меховые подстилки. Нюргуна посадили на почётном месте, у очага, на коврике из лебяжьих перьев. Сестра Нюргуна села напротив брата, рядом с Тарымой-Кун. Избранные жители посёлка уехали вкруговую. Принесли мясо молодых зверей, жареных телят на блюдах, горы белого сладкого масла, колбасу из жира и мяса гусей и уток. Молодые девушки и юноши принесли много деревянных резных чоронов-кубков, маленьких — с напёрсток и больших — в три ведра. Все кубки были полны пенящегося, прохладного кумыса. Хозяйка подняла первый кубок и проговорила здравицу славному гостю, Витязю Нюргуну.

Гости стали пить кумыс, беседовать, кушать. Девушки и юноши запели игровые песни праздника — Исыаха. Дети принесли охапки пахучих луговых цветов, осыпали ими стол и одарили гостей. Все славили Нюргуна.

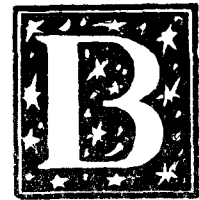
Стремительный Светлый Витязь сидел довольный встречей, кушал за семерых, пил кумыс за восьмерых, распевал песни за десятерых. Ему было отраднo после смертных битв и испытания в мёртвой воде видеть, как могут счастливо и весело жить добрые люди на Серединной Земле.

СКАЗКА ВОСЬМАЯ

О ПРОПАВШЕМ БЕЗ ВЕСТИ БОГАТЫРЕ КЮН ДИРИБИНЕ И ЕГО ТРИДЦАТИ ТОВАРИЩАХ

В день, когда праздник Исыах заканчивался общими играми и плясками, старуха, мать Тарымы-Кун, угощала Витязя Нюргуна в своём жилище. После всяких яств и напитков почтенная женщина, собрав лучших гостей, поднесла им свежий молодой кумыс, сделанный из молока лучшей кобылицы. Кумыс этот был такой пенистый, что, казалось, легчайшая снежная пена сидела шапкой, пузырилась, вскипала и снова опадала в деревянных кубках-чоронах. Гости долго пили кумыс и хвалили хозяйку. Один горбатый старичок, допивая свой кубок, сказал:

— Где-то наши пропавшие сыновья, где-то богатырь Кюн Дирибине? Вот им бы, нашим деточкам, выпить такого кумысу в неволе, может, и они бы нас вспомнили?..

Почтенная хозяйка при этих словах нахмурилась и перестала угощать гостей. Нюргун заметил, что многие пожилые женщины и весёлые старики тоже нахмурились, перестали пить.

— Кто такой богатырь Кюн Дирибине?—спросил Витязь Нюргун, но ему никто не ответил, а почтенная хозяйка заплакала.

— Кто такой Кюн Дирибине? Чьи это деточки, в какой неволе, о чём ты промолвил непонятные слова, почтенный старец?— снова спросил Нюргун.

Но все гости нахмурились ещё больше, и никто не ответил на вопрос Витязя Нюргуна.

— Любезная хозяйка, — сказал тогда Нюргун, — почему все молчат, почему ты сама ничего не отвечаешь мне. У вас есть какая-то тайна, о которой мне знать нельзя?

— Дитяtko милое, Нюргун Стремительный Светлый Витязь, — плачущим голосом заговорила мать прекрасной Тарымы-Кун, — тайны у нас от тебя никакой нет, скрывать нам нечего. Есть у нас своё, стариковское давнее горе, говорить мы о нём не любим, расстраивать себя боимся. Да уж если речь зашла, от тебя не утаю, всё расскажу. Слушай! Много лет с той поры прошло. Был у меня сын богатырь, Кюн Дирибине его звали. Было у него тридцать товарищей, вместе с ним в одно время в нашем посёлке родились, вместе росли и выросли. Стали они юношами храбрыми, богатырскими играми забавлялись, родную землю от врагов оберегали. Хорошо мы тогда всем народом жили, спокойно, недругов не боялись, защитники у нас были: Кюн Дирибине, сынок мой, и его тридцать товарищей. И пришло в нашу землю несчастье, напасть неотвратимая, повадился набегать откуда-то, со стороны заката солнца, из-за мутного моря, Подземный Драчун — Уот Утускан. Стал он наши пастбища вытаптывать, коней и быков угонять, леса вырубать, а потом и за людей принялся. Уот Утускан — Подземный Драчун силищу имеет непомерную. Ездит он на чёрном трёхрогом олене, у этого оленя хвост длинный, железный, словно колючей щетиной покрыт. Сам Уот Утускан — Подземный Драчун такое страшилище, что и описать нельзя. Из глаз жёлтая глина глядит; на бровях кусты моховые, бурые; борода сучковатая, вся в пыли; на каждой руке по шесть пальцев каменных с крючками вместо ногтей. Ездит он на своём чёрном олене, ухает, земля под ним трясётся...

— Что же, сразу всех тридцать ваших богатырей вместе с твоим сыном этот Подземный Драчун победил? — спросил Нюргун, когда почтенная старуха на минуту замолчала.

— Нет, моё дитяtko, Витязь мой, Нюргун Стремительный, всех-то сразу, может, не одолел бы, да ведь он и силой и хитростью богатырей берёт. Ездит он с оружием разным, а больше всего с волосяным арканом, по ночам ездит, когда люди добрые спят. Подъедет к богатырю, что в карауле стоит, набросит в темноте арканную петлю и уволочёт к себе в плен. Так пропали без вестно двадцать девять богатырей, а тридцатый на стражу встал вместе с моим сыном, Кюном Дирибине. Помню я ту ночку последнюю, до смерти не забуду. Как затянул Уот Утускан в петлю тридцатого богатыря да поволок за собой, словно бревно — мой сын вдогонку кинулся, хотел спасти товарища. И конь у сына был хороший, быстроногий, а у Подземного Драчуна чёрный олень побыстрее оказался. Как они поскакали, лес загудел, ветер заре-

вел, печки потухли в домах. Выскочили тогда все жители поглядеть. Скачет по горам Подземный Драчун на чёрном олене, звёзды с неба сыплутся, месяц пополам раскололся, а внизу, под горой, на длинном волосяном аркане, в петле запутавшись, волочится по пыли богатырь последний, сынок вот этого старичка. А мой сынок, Кюн Дирибине, следом за Подземным Драчуном гонится, саблей машет, догнать, видно, хотел. Ускакали оба в сторону, куда солнце уходит, и следов не оставили. Так без вести и пропали все наши тридцать богатырей, а с ними и Кюн Дирибине пропал. Много лет с той ночки пролетело, ни слуху, ни духу. Говорят только проезжие люди, будто все наши богатыри в неволе у Подземного Драчуна живут, горе мыкают, и сынок мой с ними за семью замками в подземельных темницах мучится. А спасенья им ждать неоткуда...

Кончив рассказ, почтенная старуха горько-горько заплакала, а с нею ещё тридцать старцев и старух заплакали, у них сыновья тоже без вести пропали в давние годы. Витязь Нюргун помолчал, поглядел на сестрицу свою Айтал-Куо, поглядел на гостей и поднялся, пошёл к выходу. Хозяйка кинулась за ним:

— Куда ты, гость дорогой, Нюргун Стремительный Светлый Витязь? Уж не задумал ли к Подземному Драчуну ехать. Не вздумай с ним связываться, у него силы и хитрости побольше, чем у Чёрного Верзилы, побольше, чем у Железного Великана было, с ним бороться страшнее, чем в мёртвую воду нырнуть. Прошу тебя, гость наш, Витязь Нюргун, оставайся с нами, забудь мой рассказ. Тех, что без вести пропали, назад не воротишь, а сам пропадёшь...

— Не такой я человек, почтенная хозяйка, чтобы без вести пропасть. Не такой я витязь, чтобы богатырей в беде оставить. Может сила моя и меньше, чем у Подземного Драчуна, может мой гнедой скакун и послабее чёрного оленя, может меч мой прямой не так проворен, как волосяной аркан у Подземного Драчуна. Может это так, а может и не так. К Подземному Драчуну я поеду, бороться с ним буду, от мысли своей не отступлюсь. Правда на моей стороне, совесть на моей стороне, честное дело моим делом будет. Кто за честное дело борется—того никакая сила одолеть не может...

Почтенная хозяйка и гости не смели отвечать на такие слова Нюргуна, они только поклонились ему. Нюргун надел боевые доспехи, застегнул все застёжки, подвязал меч и вышел на двор. Ему подвели гнедого скакуна, и он сел в седло, не прощаясь ни с кем. Жители, сбежавшиеся со всей деревни, с почтением глядели на Витязя, решившегося на новый подвиг.

Никто не вымолвил ни слова, когда Нюргун садился на коня, все затаили дыхание, когда он натянул поводья. Как свистящая молния, взметнулись подковы скакуна, всадник взлетел выше лиственниц и галопом полетел в сторону, куда уходит солнце. Тогда девушки вздохнули, юноши заскучили, старики зашептались, а почтенная женщина, у которой гостил Нюргун, мать Тарымы-Кун, сказала:

— Много я видала богатырей, много я встречала юношей, а таких, как Нюргун Стремительный Светлый Витязь, не видала. Думала я, что он на моей Тарыме-Кун женится, в моём доме жить будет, да нет, Тарыма-Кун ему не ровня, испугалась тогда богатырского вида, после битвы с Железным Великаном, раскапризничалась. И сама я ценила Нюргуна не так, как ценить надо. Цены ему нет. В долгу мы перед ним за доброе его сердце, за буйную его удаль, за храбрость его беспримерную. Такой человек сам свою судьбу найдёт. Давайте, люди добрые, в честь защитника Серединной Земли, за честь и славу Нюргуна Витязя допьём кумыс!..

И все жители—девушки и юноши, старики и пожилые люди подняли кубки и выпили здравицу за Нюргуна.

Потом почтенная старуха сходила на погреб и принесла изукрашенное резьбой лукошко, оно стояло на погребе, в голубом льду, более ста лет, а в нём хранилось волшебное яство — рассыпчатый белый творог, сделанный из молока белошёрстной кобылицы. Этот волшебный творог имел чудесную силу — утолял голод и жажду, возвращал бодрость, успокаивал тревоги и сомнения. Почтенная старуха очень берегла это волшебное яство, до сих пор о нём не рассказывала даже своим детям.

Захватив полные пригоршни чудесного творога, старуха закружилась, запела волшебную песню и бросила белые прозрачные крупички в ту сторону, куда умчался Витязь Нюргун.

А Нюргун в это время ехал между тёмными тучами и чёрными лесами. Поднимаясь на высокий перевал гор, Витязь вдруг увидел, что на него сыплются белые крупички волшебного яства. Он поднял руку, подхватил в горсть творог, проглотил его на скаку и засмеялся.

«Никогда бы не поверил, что в такой мрачной стране с неба может сыпаться вкусный сладкий творог, — подумал Нюргун, — приятная пища в дороге».

Подкрепившись волшебным яством, Витязь ещё быстрее погнался гнедого скакуна на закат солнца.

СКАЗКА ДЕВЯТАЯ

О ТОМ, КАК НЮРГУН ПОДАРИЛИ ВОЛШЕБНУЮ ПЛЁТКУ И КАК
ОН ВСТРЕТИЛСЯ В ПЕРВЫЙ РАЗ С ПОДЗЕМНЫМ ДРАЧУНОМ

НОГО дней и ночей ехал Нюргун Стремительный Светлый Витязь по Серединной Земле, наконец доехал до её края.

Серединная Земля кончалась голым обрывом, где не было ни кустика, ни травинки, один серый булыжник, с которого по временам вниз, в подземную страну, сыпались оползни мелкого песка и пыли. Девять больших дорог, восемь горных путей, семь узких тропинок обрывались на краю Серединной Земли, дальше им итти было некуда.

Витязь Нюргун остановил гнедого скакуна у самого обрыва и поглядел вниз: конь нагнул голову, и всадник тоже нагнул голову, оба стали разглядывать подземную страну. С вершины её едва было видно: где-то глубоко, глубоко, словно в колодце, смутно лежали подземные чаши и пустые степи.

«Ух, какая глубь, прыгать туда будет страшно; пожалуй, дня два буду лететь, пока до дна этой подземной страны доберусь», — подумал Витязь Нюргун. В это время рядом с ним что-то зашелестело. Нюргун поднял голову, гнедой скакун выпрямил шею. Перед ними, над бесконечной глубиной обрыва парила в воздухе светлоголубая птица с широкими крыльями. Тончайшие длинные перья переливались, будто наполненные светом. Круглые птичьи глаза мерцали, как два пылающих синих камня-сапфира.

«Не лебедь, не белый журавль, — подумал Нюргун, — что это за птица такая, никогда не видывал, и откуда взялась, понять не могу, неужели из подземной страны вылетела?»

Птица, повиснув в воздухе, осмотрела Витязя Нюргуна, открыла длинный белый клюв и заговорила на якутском языке:

— Здравствуй, друг мой, Нюргун Стремительный Светлый Витязь! Слушай мои слова, не удивляйся. Послали меня к тебе Солнце-Тёплый Отец и Луна-Ясноглазая Матушка. Зовут меня птица-вестник, и принесла я тебе добрую весть. Твой отец и твоя матушка просят тебя, чтобы ты освободил из неволи тридцать богатырей и с ними богатыря Кюна Дирибине. Твой отец и твоя матушка велят биться тебе беззаветно, жителей Серединной Земли защищать, а Подземного Драчуна уничтожить. Силы его тебе, пожалуй, по плечу, да у него хитрости больше, у тебя меньше, у него злоба чёрная, у тебя красная, у него кости твоих толще, шея жилистее, на руках по шести пальцев. Всё это бы ничего, а вот меч у Подземного Драчуна твоего меча потяжелее, в этом самая главная беда. Солнце-Тёплый Отец и Луна-Ясноглазая Матушка, родители твои, о тебе забеспокоились, в помощь меня послали и вот эту волшебную плётку...

Птица вынула из-под хвостовых перьев длинную шёлковую плетть и подала Нюргуноу. Волшебная плётка была сделана из тонких, как волосок горностаия, шёлковых ниток; все нитки были разного цвета. Хвост волшебной плётки был завязан тремя узелками, а каждый узелок оканчивался семью шариками, висевшими, как бусы, на семи шелковинках.

«Куда годится такая лёгонькая плётка, — подумал про себя Нюргун, — ею даже комара ударить, и тот не почувствует».

Но вслух Нюргун ничего не сказал и заткнул плётку себе за пояс. А птица повела синими, как сапфирные камни, глазами и проговорила, будто разгадав о чём думал Нюргун:

— Может, тебе плётка показалась слишком лёгкой, это ничего—коня ею подгонять ты не будешь, Подземного Драчуна ударять не станешь. Слушай мои слова, запомни мои речи. Если твой прямой сверкающий меч в битве иступится или подломится, или враг твой его из рук у тебя хитростью выбьет, ты эту волшебную плетть из-за пояса вытяни и скажи тихонько: «Шёлковая плетть, не дай мне умереть, будь моим мечом», — и она превратится в твоё новое оружие. А если и после этого в битве ты станешь уставать, позови меня, я буду около тебя близко. Посмотрим, на какие хитрости пойдёт Подземный Драчун, нам надо его перехитрить; поглядим, какое упрямство он покажет, нам надо его переупрямить. Да будет твоя удача, Витязь Нюргун, удачей всех богатырей Серединной Земли, да будет твоя победа победой всех жителей солнечных деревень, да будет твоё счастье — народным счастьем. Помни мои слова!..

Проговорив так, птица взмахнула крыльями и исчезла, словно её не было. Нюргун привстал на стременах, гикнул и, толкнув поводьями гнедого скакуна с обрыва, стал падать в подземную страну. Падал он два дня и две ночи, а на третье утро гнедой скакун опустился всеми четырьмя копытами на дно пропасти.

Здесь росли колочие жёсткие травы, высокие, словно копыя. Лес был похож на щетинистую стену, а листва деревьев висела, подобная тяжёлым шкурам. По такому лесу, по такой траве Нюргун мчался день и ночь, а потом въехал в страну, где звёзды крутились в другую сторону, чем в Серединной Земле, где небо спускалось до вершин сухих деревьев, будто кусок грязной кошмы. В этой стране Нюргуну пришлось ехать, нагибаясь к шее гнедого скакуна, чтобы не задеть головой обрывки рваных туч. К исходу второй ночи Нюргун доехал до мутного бурлящего моря, но не мог приблизиться к берегу, потому что волны выхлестывали на песок за семь вёрст, убегали назад с гремучим стоном, и сейчас же выплёскивались снова на то же место.

Через это мутное море нельзя было ни переплыть, ни перелететь, ни перебраться никак. Нюргун остановил коня и стал смотреть, как прибой летел на берег мутными глыбами волн, разбивался грязной всклокоченной пеной и откатывался обратно, вглубь моря. Долго глядел Витязь Нюргун, не зная, что ему делать дальше, куда ему ехать, как искать Подземного Драчуна. Потом в волнах посредине моря стало что-то мелькать и крутиться, волны заплескали на берег ещё дальше и чуть было не смыли скакуна вместе с наездником. Нюргун отъехал подальше, на пригорок, и оттуда увидел, что в самой середине моря плавает, вертится в волнах, как мельничный круг, большой каменный остров.

— Ну, друг-приятель, это море нам не переплыть, не перелететь, — сказал Нюргун своему коню, — а до того острова добраться нам надобно, соберись с силами, давай с разбега половину моря перескочим. На крутящемся острове, наверное, Подземный Драчун и живёт, больше ему тут жить негде...

Гнедой жеребец мотнул гривой, заржал, разбежался и с разбега перепрыгнул на крутящийся каменный остров, встал как раз в самую середину. На острове было пустынно и дико. Камень, сотрясаясь, кружился среди волн.

— Я не могу стоять на такой вертящейся земле, хозяин, — сказал человеческим голосом скакун, — отпусти меня на берег. Если понадобится, свистни меня, и я буду рядом...

Витязь Нюргун пошатываясь слез с коня, и тот без разбега перепрыгнул через половину моря обратно на берег. Нюргун остался один-одинёшенек, голова у него кружилась, но скоро он

привык и стал прохаживаться из конца в конец крутящегося острова. Пока он так ходил, на самой середине острова поднялся каменный бугор, он выпучивался, словно кто-то под землёй надувал пузырь, потом пузырь лопнул, а во все стороны полетели глиняные брызги. Нюргун огляделся и никого не увидел. Тогда, собравшись с духом, Витязь закричал:

— Эй ты, храбрец с волосяным арканом, где ты прячешься, в каком логове? Что ты не встречаешь гостей у себя на острове? Или ты испугался имени Нюргуна Стремительного? Вылезай, вылезай, если у тебя есть чем бороться, кроме глиняных комьев. Покажись, я с тобой поговорить хочу, если договоримся миром, я тебя не трону, залезешь обратно в свою берлогу...

На эти крики Нюргуну никто не ответил, а из-под земли стал вздуваться ещё один глиняный пузырь. Тогда Витязь рассердился, выхватил свой прямой меч и, проткнув им вспухшую сердцевину глиняного бугра, стал колоть остриём меча под землю, приговаривая:

— Уот Утускан — Подземный Драчун, ты, оказывается, на чужой земле смелость показываешь, богатырём арканом ловишь, а у себя дома высунуть нос боишься!..

При этих словах рядом с Нюргунуном быстро выпучился из-под земли третий глиняный пузырь, сейчас же с треском лопнул, и оттуда верхом на трёхрогом чёрном олене выскочил сам рассерженный Уот Утускан — Подземный Драчун.

Нюргуну пришлось сражаться пешим. Подземный Драчун завертел своим волосяным арканом, но Витязь Нюргун глядел зорко, и ещё на лету успел перерубить волосяную петлю, и аркан стал простой верёвкой. Размахивая мечом, Нюргун устремился на Уот Утускана, однако сейчас же отскочил назад, так как чёрный олень, зафыркав, наступил ему копытом на ноги. Подземный Драчун, увидя это, захохотал:

— Послушай, ты, юнец Нюргун, береги ноги, береги руки, береги голову. Малыш ты, хвастунишка. Зачем ты осмелился беспокоить меня, Уот Утускана? Чего тебе от меня понадобилось? Проси, слушаю твою просьбу, ты, видно, счастливым родился: я сегодня добрый, понравится твоя просьба, может живым отпущу, не понравится—высеку тебя волосяной верёвкой только. С мальчишками мне бороться не пристало. Знаешь ли ты, букашка этакая, что у меня тридцать богатырём в плену сидят, да ещё с ними отменный богатырь Кюн Дирибине на придачу? Хочешь, я тебя к ним, под замок, в глиняную яму упрячу? Ха-ха-ха! Ну, не пугайся, говори свою просьбу!

От таких оскорбительных слов Витязь Нюргун заскрежетал зубами, но сдержал себя и сказал тихо:

— Выпусти на волю тридцать богатырей, захваченных тобой из солнечных деревень, освободи богатыря Кюна Дирибине, тогда я позволю тебе уйти снова под землю...

Уот Утускан, слушая Нюргуна, захохотал от удовольствия и стал почёсывать двенадцать пальцами свои рыжие усы:

— Ай да парень, ай да смельчак! Ты мне нравишься, Нюргун. Такой на язык бойкий, такой на словах задиристый, право, ты храбрец. Жалко мне тебя обижать, убирайся во-свояси, так и быть, не трону...

Витязь Нюргун не сводил глаз с Уот Утускана, ожидая какой-нибудь коварной хитрости, он видел, что от честного боя Подземный Драчун уклоняется. Так и случилось. Посмеиваясь и похихикивая, Уот Утускан незаметно вытащил из-за пазухи круглый комок жёлтого огня и бросил его в грудь Нюргуна. Витязь увернулся, а комок пламени огненным шаром пролетел мимо, упал в воду, зашипел и погас, вскипятив вокруг себя море на несколько вёрст. Уот Утускан видел, как проворно увернулся Нюргун от его хитрости, и, перестав смеяться, слез со своего трёхрогого оленя, приговаривая:

— Придётся, значит, мне биться, как равному с равным, не зря, значит, до меня слухи дошли, что Нюргун Стремительный Витязь чести заслуживает, что бороться с ним надо грудь-грудью, сражаться надо мечом к мечу. Что же, померим силы, тебе шутки мои не по нраву, давай без шуток, не на жизнь, насмерть сразимся...

Уот Утускан достал из-за пояса огромный гранёный меч, багровый от пролитой крови, встал против Нюргуна, топнув ногой. Каменный остров перестал вертеться, морская глубь притихла, волны остановили своё движение. Подземный Драчун кашлянул, выплюнул целую лужу тины и начал бой. Мечи, ударившись друг о друга, заскрежетали, разноцветные искры посыпались с доспехов богатырей. Время остановилось во всей подземной стране.

Враги бились семь дней, семь ночей без отдыха и так устали, что на восьмой день в один и тот же час потеряли силы, едва не задохлись и сели там, где стояли, друг против друга. Бороться дольше они пока не могли, только исподлобья с яростью смотрели один на другого. Когда дыхание вернулось к ним, и они могли заговорить не задыхаясь, Нюргун спросил:

— Ну что, непобедимый Уот Утускан, долго ли отдыхать станем? Говори правду, скоро ли ты войдёшь в силу?

Уот Утускан ответил Нюргуну так:

— Сила моя нашла себе равную. Двоим нам на земле всё равно больше не жить, а биться сейчас ни я с тобой, ни ты со мной

не можем. Надо нам долго отдыхать, а потом бой снова начнём. Так я думаю, а ты как?

— И я так думаю, — ответил Нюргун, чувствуя, что сейчас не может пошевелить даже пальцем. — Будем отдыхать три дня. Согласен?

— Согласен, — ответил Уот Утускан, радуясь такой долгой отсрочке, — согласен с тобой, будем отдыхать три дня. И давай уговоримся, будем спать, а кто раньше срока проснётся, тот спящего трогать не станет...

Витязь Нюргун и Уот Утускан поглядели друг другу в глаза и поклялись, что на три дня у них перемирие, и кто бы раньше ни проснулся, боя до срока не начнёт, а проснувшийся спящего врага не тронет.

«Дай только мне выспаться, в силу снова войти, а там я с тобой расправлюсь без всяких сроков», — так думал себе на уме Подземный Драчун. Слову честности Нюргуна он верил крепко, и поэтому, обменявшись клятвой, сразу захрапел во всё горло.

А Витязь Нюргун, подремав немного, почувствовал себя ободрённым и хотя в полную силу войти ещё не успел, как ни старался, заснуть по-настоящему крепко не мог. Лёжа, он поглядывал на храпящего покрытого глинистой пылью врага и думал о будущей битве.

СКАЗКА ДЕСЯТАЯ

О ТОМ, КАК НЮРГУН ПОБЕДИЛ ПОДЗЕМНОГО ДРАЧУНА—
УОТ УТУСКАНА И ОСВОБОДИЛ ПЛЕННЫХ БОГАТЫРЕЙ

ОДРЕМАВ ещё немного, Витязь Нюргун поднялся, помахал руками, расправил могучие плечи. Силы возвращались к нему быстрее, чем к его врагу.

Уот Утускан спал, как мёртвый, только от его свистящего хриплого дыхания клубилась жёлтая сухая пыль. Смертоносный меч Уот Утускана лежал рядом с ним. Нюргун подошёл к спящему и пошевелил его ногой, тот даже не шелохнулся. Нюргун пощекотал кончиком своего меча подмышками Подземного Драчуна, тот даже не почувствовал щекотки, а самое остриё нюргунова меча неожиданно заскрипело и обломилось.

«Вот какая досада, испортил я свой добрый меч этой щекоткой. Не надо было мне шутить со спящим», — подумал Витязь Нюргун и, бросив свой испорченный меч, стал носком ноги перекатывать тело Подземного Драчуна, но Уот Утускан спал непробудно и переваливался с боку на бок в своих тяжёлых доспехах, как бревно, окованное железом.

— Сильно я его измотал, — произнёс вслух Витязь Нюргун, — сейчас я могу его убить, заколоть обломком меча, как сулика. Но если я так сделаю, славы себе не заработаю, чести не прибавлю. Хотя тут, на острове, никого и нету, а совесть у меня самого будет неспокойна. Клятву я дал: спящего не убивать, и не убью. Моя сила ко мне раньше пришла, в честном бою — честному мне сражаться будет легче, пусть спит Подземный Драчун...

Витязь Нюргун ещё раз пнул в бок Уот Утускана, послушал, как тот заливается храпом и пошёл гулять по острову.

В одном месте, где земля вздулась глиняным пузырьём, Нюргун увидел трещину, уходящую неизвестно в какую глубину. Витязь пошёл по узенькой тропинке вниз и попал в круглую пещеру, напоминавшую подземную высокую юрту с каменными стенами, глиняным потолком и песчаным полом.

Посреди пещеры стоял очаг, в котором лежала груда потухших углей. В одном углу пещеры виднелась чугунная дверь. За нею открылся вход в другую пещеру. Там сидели рядом, на корточках, девушка и юноша. Это были пленники Уот Утускана, молодой богатырь Оролун и его сестра Юкедейен, украденные Подземным Драчуном много лет тому назад в солнечных деревьях ещё детьми.

Увидев Нюргуна, оба пленника бросились навстречу с восклицаниями привета, называя Витязя по имени.

— Откуда вы знаете, что я Нюргун? — спросил удивлённый Витязь.

— Как нам не узнать тебя, — отвечали пленники, — имя твоё известно и в нашем подземелье. Кто мог так стремительно ворваться в темницу подземной страны, только ты — Стремительный, кто мог войти сюда, как луч солнечного света, только ты — Светлый Витязь. Имя твоё можно узнать по твоему лицу...

Юный богатырь Оролун и девушка Юкедейен рассказали Нюргуну, как Подземный Драчун во время одного набега на Серединную Землю выкрал их из отцовской юрты вместе с колыбелью, спрятал за пазуху и привёз сюда. Уот Утускан хотел вырастить из похищенных детей помощников и прислужников для своих злодейств. Девочка Юкедейен так нравилась Уот Утускану, что он решил жениться на ней, когда она подрастёт.

Юноша Оролун рассказал Витязю, что Подземный Драчун часто уезжает из подземной страны и всегда возвращается с добычей и пленёнными богатырями, он втаскивает пленников волоком на аркане и запирает их в другой подземной темнице.

Нюргун знал обо всём этом ещё от почтенной старухи, матери Тарымы-Кун, но промолчал, а выслушал до конца рассказы Оролуна и Юкедейен, попросил дать ему еды и питья, — он почувствовал голод и жажду. Пленники Уот Утускана могли угостить Нюргуна только той скудной пищей, которую давали им слуги Подземного Драчуна. В карманах шубы Юкедейен нашлось одно утиное яичко, у юноши Оролуна — кусочек жёлтого сухого сыра. Вместо питья Нюргуну пришлось утолить жажду ковшиком солоноватой воды из подземного источника, протекавшего

тут же в пещере. Хотя пища была скудная и вода невкусная, Нюргун, проглотив то и другое, стал бодрее, усталость его совсем исчезла.

— Вот что, ребятаки, — сказал Витязь, — мой враг скоро проснётся, и, наверное, станет меня искать, а вы скажите ему, что я был здесь, обругал его и ушёл. А если он спросит: куда ушёл, — отвечайте, что я перепрыгнул с острова на берег. Больше ничего не говорите, а я спрячусь здесь, за очагом. Что бы тут перед вами ни случилось, вы не удивляйтесь и в нашу борьбу не вмешивайтесь, Уот Утускан вас может одним пальцем пополам перешибить, если случайно зацепит. Вы лучше, как битва начнётся, уходите себе куда-нибудь подальше...

Тут, на глазах удивлённых пленников, Нюргун превратился в земляную тлю, стал таким крохотным, что его не каждый глаз мог заметить.

Только что Нюргун, превратившийся в земляную тлю, заполз в щель очага, как раздался треск, и вся пещера наполнилась блеском. Возле очага, откуда нивесть, появился жёлтый огненный шар. Извергая из себя снопы искр, шар закружился и повис в воздухе, над самым полом. Молодой богатырь Оролун отошёл в угол пещеры, а девушка Юкедейен заговорила ласковым голосом:

— Зачем ты так преобразился, Уот Утускан? Что тебя так напугало? Стань самим собою, а то мне боязно глядеть на тебя...

Человеческий голос спросил изнутри огненного шара:

— Ладно, ладно, не пугайся, моя красоточка Юкедейен! Это я с досады, с ярости такой вид принял...

Огненный шар рассыпался в бесчисленные искры, и на месте его появился Уот Утускан — Подземный Драчун в своём настоящем виде. Он хорошо выпался, отдохнул, и, потягиваясь, зевал, похрустывая скрипучими, каменными челюстями.

— Досадую я, ребята, — сказал Уот Утускан, — что долго проспал, не услышал, как Витязь Нюргун ушёл куда-то. Это такой сильный парень, такой настоящий борец, что едва не одолел меня. Таких силачей я ещё не встречал. Вы его не видали, к вам он не заходил?

— Заходил, заходил, — заговорила Юкедейен, хлопая в ладоши, — ругал тебя последними словами, называл тебя засоней, малосильным толстым разиней и ещё разными словами...

— Ага, значит он не сбежал от меня, значит он ещё вернётся, — сказал Уот Утускан и стал пухнуть от злобной ярости, волосы у него на голове поднялись дыбом, на спине появился горб.

— А вот я и вернулся, — закричал Нюргун и в виде земляной гли выпрыгнул из щели очага, очутился за спиной Уот Утускана. Разъярённый Драчун повернулся, но ничего не увидел и начал бегать в поисках Нюргуна по всей пещере. Тогда Нюргун подпрыгнул, и, ударившись о землю, стал самим собою. Вытащив из-за пояса волшебную шёлковую плётку, Витязь Нюргун проговорил: «Шёлковая плеть, не дай мне умереть, будь моим мечом, тогда мне всё нипочём».

Подземный Драчун при этих словах повернулся, и на его глазах шёлковая плеть в руке Нюргуна стала длинным острым мечом. От удивления при виде такого чуда Уот Утускан присел на корточки, забыв о своём оружии. А Витязь Нюргун Стремительный, не дожидаясь, пока враг опомнится, ударил его мечом в грудь, пробил шестислойный панцырь и добрался до печени Уот Утускана. Подземный Драчун стал дёргаться, вертеться на острие нюргунова меча, как рыба, насаженная на железную вилку. Витязь Нюргун держал меч твёрдо. Тогда Подземный Драчун, отплёвываясь сырым песком, сыпавшимся из его глотки, начал поворачиваться на острие нюргунова меча, как водяной жук на крючке, перебирая ногами и руками, стараясь дотянуться до Витязя, схватить его хотя бы когтями. Но Витязь Нюргун держал свой меч крепко и пригвоздил Уот Утускана к земле. Подземный Драчун завертелся ещё быстрее и забормотал такие слова:

— Пропал я, пропал, попался на твою хитрость, а свою придумать не успел. Понадеялся я на своё могущество, думал, что у тебя простой меч, который о моё тело поломаться может. Не знал я, что ты из волшебной плётки булат себе добыть можешь. Теперь ты победил меня и убьёшь. Об одном прошу, не мучь меня на острие меча, изруби в куски, заколи скорее в сердце...

Нюргун был человек жалостливый и стал вытаскивать меч, собираясь исполнить просьбу побеждённого Уот Утускана, но в это время подбежала девушка Юкедейен, пленница подземелья, и схватила Нюргуна за руки:

— Не слушай, не слушай его, Витязь Нюргун, не вынимай меча, пока у твоего врага дыханье не порвётся, пока сердце не остановится, пока глаза не закроются, пока смертный пот не выступит. Это последняя хитрость Уот Утускана, если ты меч из его печени вытащишь, он свою рану глиной заткнёт и снова будет здоровым. Если ты на куски его разрубишь, куски друг с другом тотчас срастутся, он снова жить будет. Не вынимай меча из тела врага, пока он не погибнет!..

— Вот как, — сказал Витязь Нюргун, — я думал, что побеждённый и вправду лёгкой смерти просит, а он, оказывается, коварство новое затеял! Ну, тогда пусть получает то, что заслуживает...

Нюргун держал рукоять меча до тех пор, пока Уот Утускан не испустил последнее смрадное дыхание. После этого Нюргун поднял меч и стряхнул грузное обвисшее тело Подземного Драчуна в болотистый колодец.

Юный богатырь Оролун и девушка Юкедейен поздравили Витязя Нюргуна с победой и повели по подземным пещерам и узким переходам к тюрьме, где на самом днище земли были спрячтаны пленные богатыри.

На дне подземной страны виднелось решетчатое круглое отверстие. Нюргун поднял четырёхугольный засов, замыкавший решётку, схватился за толстые перекладки и открыл вход в яму. Там среди плесени, в ржавой воде, на кочках сидели пленные богатыри, все они, числом тридцать один и ещё девять девушек, были связаны тонким волосяным вервием, напоминавшим кручёную, гладкую нить. Эта нить у каждого пленника была протянута между локтевыми суставами. Все могли свободно двигаться, но не дальше четырёх шагов в сторону. Волосяное вервие сразу натягивалось и увлекало пленника на его место. Нюргун, взглянув на тонкую нить, сначала подумал, что, наверное, богатыри так обессилели, что не могли порвать даже этой нити. Но когда он попробовал дёрнуть вервие, все тридцать один богатырь и девять девушек закрутились в воздухе на волосяной нити, будто тряпичные куклы. Вервие натянулось струной, вскинуло людей в воздух, но не разорвалось. Нюргун с изумлением выпустил вервие из рук, и люди упали на свои места. Поражённый крепостью простого волоса, Нюргун зажал кусок вервия в обеих руках и, стараясь не задевать людей, изо всех сил дёрнул. Вервие чуть-чуть растянулось, но осталось невредимым.

— Это заколдованное вервие, — сказали Нюргуну связанные богатыри, — сколько его ни тяни, не разорвёшь. Видишь, мы на него нанизаны, словно рыбы сквозь жабры на бечёвку продеты. Концы этого вервия в преисподнюю землю вросли, под серый камень. Если ты сумеешь концы вервия из-под камня вырвать, то вся его сила пропадёт, а если не сумеешь, придётся нам сидеть до скончания века, до своей смерти...

Тут только Витязь Нюргун заметил, что вервие лежало между болотных кочек, словно длинная тонкая гадюка, а оба конца сходились в одном месте, прятались под большим серым камнем. Никто из пленных богатырей не мог дотянуться до того края подземной темницы, где сходились концы вервия, прижатые камнем.

Витязь Нюргун нагнулся поднять камень, но не смог его пошевелить, а с виду камень был невелик.

«Тут, видно, силой не возьмёшь,— подумал Нюргун.— Подземного Драчуна я одолел, а освободить пленных богатырей силы нехватит и смекалки нет...»

Долго думал Нюргун, как ему богатырей высвободить, как разрушить заколдованное вервие, ничего выдумать не мог и решил позвать на помощь чудесную птицу-вестника, подарившую ему волшебную плётку перед началом борьбы с Уот Утусканом. Едва он подумал об этом, птица-вестник, шуриша мягкими крыльями, появилась возле его плеча и, повиснув в воздухе, сказала:

— Ударь камень мечом, и ударь мечом то, что найдёшь под камнем...

Сказав эти слова, птица-вестник исчезла, будто её и не было. Нюргун вынул меч, тихонько ударил по серому камню. Камень зашипел, словно был горячим и его окатили студёной водой, потом верхушка камня вздулась бугром, треснула и распалась на части. Из-под камня выскочил маленький, чёрный, обсыпанный песчинками человечек, величиной с болотного жука.

Это был хранитель подземных темниц, верный прислужник убитого Уот Утускана, кровожадный Карлик. Его сморщенные костлявые ручки крепко держали оба конца заколдованного вервия. Карлик заскакал, будто блоха, на одном месте, не выпуская концов вервия. Витязь Нюргун не стал раздумывать и самым остриём меча заколол Карлика в одно мгновение. Концы вервия сразу распались, и связанные богатыри порвали его, как обыкновенную гнилую нитку.

Сорок человек—тридцать один богатырь с богатырём Кюном Дирибине во главе и с девятью освобождёнными девушками впереди — встали в ряд перед Нюргуном Стремительным Светлым Витязем и благодарили его за полученную свободу.

Нюргун выслушал благодарность и велел отыскать лошадей и оленей, чтобы освобождённые могли ехать на родную Серединную Землю. В подземных конюшнях отыскали тридцать одного скакуна и на подземных пастбищах отобрали девять лучших ездовых быков-оленей. Девушек посадили на оленей, богатыри сели на коней.

Но ни один конь, ни один олень не решались перепрыгнуть с каменного острова на берег. Тогда Нюргун стал перебрасывать всадников через море; делал это он так ловко и с такой силой, что перебросил всех за полчаса. Брошенные рукой Витязя Нюргуна, люди перевёртывались в воздухе вместе с лошадьми и оленями, и, сразу очутившись на другом берегу, галопом и рысью отъезжали в дальний путь.

Последними Нюргун переброесил юношу Оролуна, девоушку Юкедейен и богатыря Кюна Дирибине, который сказале ему на прощанье:

— Мать моя, сестра Тарыма-Кун и я ждём тебя в гости! В нашем доме—ты хозяин, друг и брат. Всё, что у нас есть—твое. Помни моё слово и окажи честь, к твоему приезду в нашем посёлке небывалый праздник—Исыах справим!..

Перебросив на тот берег Кюна Дирибине, Нюргун остался один и обошёл ещё раз весь остров. Потом он затоптал подземную темницу, кликнул своего коня и тот, перескочив половину моря, встал рядом. Витязь сел в седло, гикнул и, мигом поднявшись над волнами, скакун перепрыгнул обратно на землю.

Через три дня и три ночи, Витязь Нюргун подъезжал к знакомому посёлку. А там уже шумел небывалый праздник—Исыах.

Кюн Дирибине, освобождённые богатыри, девоушки и все поселяне с почестями встречали победителя—Нюргуна Стремительного Светлого Витязя, и опять почтенная женщина, мать Кюна Дирибине, подвела за руки сестру Нюргуна, красавицу Айтал-Куо, и прекрасную свою дочь, Тарыму-Кун. Начался большой пир.

В честь подвигов Нюргуна пели так много песен, что он не запомнил ни одной. Угощали его столько, что он потерял вкус ко всем угощениям. Поили Витязя Нюргуна кумысом до тех пор, пока он не опьянел. На седьмой день праздника Нюргуну стало скучно, не простившись ни с кем, он незаметно вышел с сестрой во двор, отвязал гнедого скакуна, посадил впереди себя Айтал-Куо и помчался к своей юрте.

Отъехав немного, Нюргун услышал за собой стук копыт, но не стал оборачиваться, а лишь подхлестнул гнедого скакуна. Конь помчался быстрее вьюги, деревья и кусты замелькали, слились в сплошную стену. Проехав полпути до своей юрты, Нюргун подумал:

«Кто бы ни ехал, а меня ему не обогнать, таких быстроногих коней ни у кого ещё на Серединной Земле нет...»

Только он так подумал, как его опередил серый в яблоках конь богатыря Кюна Дирибине.

Витязь Нюргун почувствовал досаду и погнал своего скакуна во весь мах, но Кюн Дирибине не отставал; его серый в яблоках конь не уступал гнедому скакуну Нюргуна. Богатырь Кюн Дирибине что-то кричал Витязю, но Нюргун не хотел ничего слушать. Тогда Кюн Дирибине несколько раз обскакал Нюргуна кругом на полном ходу, показав этим, что у него лошадь не ху-

же. Потом Кюн Дирибине поехал впереди Нюргуну и стал говорить ему так:

— Что же ты уехал, не простясь, дорогой Нюргун, или на нас рассердился? Гости наши не знают, на что и подумать, мамаша моя в огорчении, сестра Тарыма-Кун загоревала, чем тебе не угодила. Разве так можно славному Витязю своих друзей обижать?

— Скучно мне стало, потому и уехал, обидеть никого не хотел. Мамаше твоей я больше не нужен, Тарыме-Кун я не по сердцу, да и она мне тоже, ну и хорошо; погостил у вас довольно, домой хочу!—отвечал Витязь Нюргун, думая, что Кюн Дирибине отстанет.

Но богатырь проводил Нюргуну и Айтал-Куо до их юрты, простился за руку с обоими и на прощанье сказал:

— Мать, сестра, я, тридцать наших богатырей и девять девушек, тобою из плена вызволенных, все наши жители считают, что они у тебя, Нюргун Стремительный Светлый Витязь, в долгу неоплатном. Сделай нам удовольствие, окажи честь, выскажи какое-нибудь желание, а мы его исполним. Что бы ты ни пожелал, что бы ты ни захотел, то мы и сделаем, то ты и получишь. От нашей просьбы не отказывайся!..

Нюргун, услышав такие дружелюбные речи, обнял Кюна Дирибине и ответил такими словами:

— Спасибо тебе и твоей матушке, и Тарыме-Кун, и тридцати богатырям, и девяти девушкам, и всем жителям вашим. Сейчас мне ничего не надо. А от просьбы вашей я не отказываюсь. Дайте мне сроку один год, тогда я вам скажу, какую хочу получить благодарность. Поезжай себе в добрый час домой. Через год я в гости приеду и своё слово скажу...

Богатырь Кюн Дирибине попрощался ещё раз с Нюргуну и Айтал-Куо и уехал.

СКАЗКА ОДИННАДЦАТАЯ

О ТОМ, КАК ВИТЯЗЬ НЮРГУН ВЕРНУЛСЯ В РОДНУЮ ЮРТУ
И ПО ОШИБКЕ ВСТУПИЛ В БОРЬБУ С ДВОЮРОДНЫМ БРАТОМ
СВОИМ УОЛАН ЮРУНОМ

ЕЩЁ издалека, возвращаясь к родной юрте, в которой он вместе с сестрицей вырос, Витязь Нюргун, хотя и был занят беседой с богатырём Кюном Дирибине, а всё-таки уголком глаза заметил, что на пастбищах у него порядок, стада собраны в тех местах, где сочная трава, будто за ними столько времени кто-то следил и во-время перегонял с места на место. Изгороди вокруг пастбищ всюду были в полном порядке, не повалены ветром, не поломаны бурей.

«Вот и хорошо,—подумал про себя Витязь Нюргун,—скот у меня не разбежался и пастбища мои в исправности, а ведь сколько лет я был в отъезде, и сам не помню».

Простившись с Кюном Дирибине и привязывая гнедого скакуна к коновязи, Витязь Нюргун удивился ещё больше. Медная коновязь была кем-то заново вкопана в землю и начищена до блеска. Стены юрты были укреплены, крыша поправлена, из дымохода шёл дымок. Войдя в юрту, хозяин с сестрой не поверили глазам. На очаге пылали поленья, кипел котёл с молоком, булькал горячий жир в медной миске. Всё было прибрано, вычищено, словно дожидалось возвращения хозяев.

Нюргун с сестрой ссмотрели всю юрту, заглянули под нары, перевернули постели, живого существа не нашли.

Потом уже, на стене за очагом, Нюргун увидел висящие серебряные доспехи, полированный меч, круглый щит, лук и

стрелы,— оружие, которое мог носить только человек богатырского склада.

— Кто-то поселился в нашей юрте, милая сестрица,—сказал Нюргун,—как бы мне не пришлось снова драться, на этот раз за своё собственное жилище. Давай, сядем в углу, дождёмся нашего жильца, посмотрим, как он нас встретит, что нам говорить будет...

Сели Нюргун с Айтал-Куо на передних нарах у самого входа, где всегда садятся прохожие и проезжие странники. Открылась дверь юрты, быстрыми шагами вошёл молодой румяный светлоглазый богатырь. Оглядев сидевших у входа, румяный богатырь ничего не сказал, прошагал в передний угол к самому очагу, снял котёл с молоком, сдул горячую пенку и стал кушать. Выпив больше половины, румяный богатырь поставил котёл на чурбан, кивнул головой Нюргуну и сказал равнодушным голосом:

— Если голодны с дороги, докушивайте!

— А ты кто такой будешь?—сердито спросил Витязь Нюргун и ногой толкнул котелок. Молоко с плеском полилось на пол. Румяный богатырь искоса оглядел Нюргуна и промолвил:

— Кто я, тебе всё равно. А ты, если заехал на перепутье в чужую юрту отдохнуть, веди себя пристойно, иначе я возьму тебя за ухо и выброшу вон...

Витязь Нюргун вскочил с нар и схватился за меч. Увидев его ярость, румяный богатырь не спеша подошёл к задней стене, снял полированный меч и, открыв дверь юрты, позвал Нюргуна:

— Ты, оказывается, из племени драчунов. Заехал в чужое жилище, уселся без спросу, здороваться с хозяином не захотел, да ещё на битву вызываешь. Изволь, изволь, я тебе гордость укорочу, спесь из тебя выбью. Только у меня правила такие: в юрте драться ни с кем не стану, выходи во двор, а то мы здесь всё переломаем, перепортим, этого я не допущу...

Когда румяный богатырь и Нюргун вышли во двор, Айтал-Куо выбежала следом, ей показалось, что оба богатыря чем-то похожи друг на друга.

— Послушай, милый братец, не надо убивать этого юношу,—шепнула на ухо Нюргуну Айтал-Куо,—это, ведь, он, поселившись в пустой юрте, поддерживал огонь, исправил изгороди и коновязи, он, наверное, ухаживал за нашими стадами и пастбищами...

— Даже если так, то он должен быть со мною вежливее,—сказал Витязь Нюргун,—всё-таки он может понимать с первого взгляда, что я не проезжий странник, не случайный пешеход.

Ну, да ладно, по случаю нашего возвращения в родное гнездо, я не буду с ним сражаться на мечах, поборюсь с ним по-якутски...

И, повернувшись к румяному богатырю, Нюргун громко крикнул:

— Ну, ты, краснощёкий невежа, бросай меч, поборемся по-нашему, по-здешнему, по-якутскому обычаю, не до смерти, до полусмерти.

Румяный богатырь молча положил свой меч в сторону, борцы встали друг против друга, согнулись до пояса, коснулись пальцами земли и, стоя в наклон, начали ловить друг друга за кисти рук. Долго они кружились, подстерегая, кто зазевается, чтобы поймать кисть руки противника и потянуть к земле, но оба были зорки и проворны.

Тогда они сблизились лбами, переплелись пальцами обеих рук и начали пытаться крепость суставов. Сила у обоих сначала была равной.

— Ты, невежа, почему, входя в юрту, не спросил: кто мы и откуда? Или не знаешь наших здешних обычаев?—спросил Нюргун, нажимая своими пальцами на пальцы румяного богатыря. Тот покраснел от натуги, отжал суставы Нюргуна и отвечал:

— Сам ты невежа! Сам ты не знаешь наших здешних обычаев. Если в доме хозяин, гость или странник должны первыми поздороваться...

— А ты что, вправду себя хозяином юрты считаешь?—спросил снова Нюргун и напряг все мускулы рук.

— Отвечать тебе не хочу,—сказал румяный богатырь и в ту же минуту, не выдержав напора Нюргуна, вытянул руки и упал на землю.

Витязь Нюргун выпрямился, подошёл к побеждённому борцу и засмеялся:

— Плохой ты хозяин, вот и валяешься на земле. Надо бы тебе вторые глаза вставить, тогда бы ты с первого взгляда увидел, с кем бороться хочешь. А теперь вставай, убирайся, и знай что ты боролся с настоящим хозяином юрты, которую ты воровски захватил. Уходи и помни, что имел дело с Нюргуном Стремительным, и счастлива твоя судьба, что попал ты мне в добрый час, а то быть бы тебе прахом на чужой земле...

При этих словах румяный богатырь вскочил на ноги и стал целовать Нюргуна, а после него бросился обнимать Айтал-Куо; радуясь и смеясь, румяный богатырь кричал:

— Милый брат Нюргун, дорогая сестра Айтал-Куо, как всё хорошо случилось, как я доволен, что вы домой вернулись. Ведь я ваш двоюродный брат Уолан Юрун!..

Все трое, наконец, опознали друг друга и пошли в юрту отдыхать, а Уолан Юрун рассказал, что его послала Тётушка-Ясноглазая Луна беречь дом и хозяйство, пока Нюргун и Айтал-Куо в дальних окраинах пропадали. Всё время, пока Витязь Нюргун выручал сестру, спасал Тарыму-Кун, ездил купаться в мёртвом озере и сражался с Подземным Драчуном, двоюродный брат стерёг стадо, оберегал пастбища и хранил жилище родичей.

Двоюродные братья посмеялись над своей борьбой, рассказали друг другу столько много разных историй, что два дня и две ночи не спали. А когда выспались и отдохнули, Уолан Юрун поехал с братом осматривать скот и пастбища.

СКАЗКА ДВЕНАДЦАТАЯ

О ТОМ, КАК ВИТЯЗЬ НЮРГУН ЕЗДИЛ К ПРЕКРАСНОЙ ДЕВУШКЕ
КЫС-УЧУГЭЙ, И О ТОМ, ЧТО ОНА ЕМУ РАССКАЗАЛА

ПОСЛЕ долгих боевых походов Витязь Нюргун в своей юрте, вместе с сестрицей Айтал-Куо и двоюродным братом Уолан Юруном, отдыхал целый год. А когда этот мирный, спокойный год подошёл к концу, Витязь Нюргун вспомнил о своём обещании, данном Кюну Дирибине, его матери и прекрасной Тарыме-Кун. Они ждали, каково будет пожелание Нюргуна, что он захочет получить в благодарность за выручку Тарымы-Кун и освобождение Кюна Дирибине. По якутскому обычаю, отказываться от благодарности нельзя, а нарушить своё слово Нюргун не хотел, хотя так и не придумал, что ему просить у почтенной женщины и её детей.

— Поедем в гости, к дальним соседям, к моим друзьям!— сказал в одно весеннее утро Витязь Нюргун своей сестре и двоюродному брату.

В гости ехать кто откажется? Айтал-Куо обрадовалась, Уолан Юрун развеселился. Все оделись в лучшие наряды, надели лучшие украшения, взяли с собой множество всяких подарков и поехали. Айтал-Куо, как всегда, впереди Нюргуна на седле гнедого скакуна устроилась, Уолан Юрун поехал на необъезженном бегунце сиво-серебристой масти.

Не торопясь, не беспокоясь, доехали к жилищам далёких друзей, старуха и все жители обрадовались гостям, устроили праздник Исыах, лучше и богаче, чем в прошлые годы. Гости веселились, пили кумыс, плясали пляски, играли игры месяц и ещё один день. Праздник кончился для Нюргуна скучно. Богатырь

Кюн Дирибине женился на сестре Нюргуна, красавице Айтал-Куо, Витязю пришлось согласиться и оставить любимую сестру навсегда в юрте почтенной женщины, матери богатыря.

После этой свадьбы Нюргун стал звать двоюродного брата Уолан Юруна домой, а тому, оказывается, понравилась прекрасная Тарыма-Кун, хочет просить у Кюна Дирибине и его матери отдать ему в жёны Тарыму-Кун, да боится, что не согласятся.

Тут вспомнил Витязь Нюргун, что всякое его желание старуха и её дети обещали исполнить, и говорит двоюродному брату:

— Ладно, быть по-твоему, посватаю я за тебя прекрасную Тарыму-Кун, но только уговор такой: как свадьбу сыграем, сейчас же домой, мне пировать надоело, чую, где-то меня боевые дела ждут...

И высказал Витязь Нюргун своё желание матери и брату Тарымы-Кун. Конечно, тем пришлось согласиться, хотя и не совсем довольны были, да и Тарыма-Кун думала, что она Нюргуна больше нравится, чем прежде. А Витязь Нюргун никак не мог забыть, как прекрасная Тарыма-Кун испугалась его после боя с Железным Великаном, как она морщилась и отворачивалась от его некрасивого тогда лица. И пришлось Тарыме-Кун выйти замуж не за Нюргуна, а за его двоюродного брата.

Впрочем, румяный богатырь Уолан Юрун всем сумел понравиться, собой он недурён и нравом добрый...

Справили вторую свадьбу. Простился Витязь Нюргун со своей сестрицей, красавицей Айтал-Куо, обнял на прощанье её молодого мужа, друга-богатыря Кюна Дирибине, поклонился почтенной старухе, ставшей отныне его близкой родственницей.

Уолан Юрун с молодой женой Тарымой-Кун тоже простились с родичами и со всеми жителями и поехали трое домой: впереди на сивом необъезженном бегунце поехал Уолан Юрун, у него в седле сидела прекрасная Тарыма-Кун, позади ехал на гнедом скакуне Витязь Нюргун.

В гостях ему было тошно, в дороге того скучнее.

— Поезжайте в юрту, смотрите за хозяйством, теперь сестрицы моей нет, хозяйничать будет Тарыма-Кун, а тебе Уолан Юрун стада и пастбища беречь придётся, мне что-то и домой расхотелось ехать, поеду охотиться...

Отвернул Нюргун своего гнедого скакуна в сторону с дороги и поехал шагом, куда глаза глядят, обратно не поворачиваясь.

Дело уже под вечер было, тайга совсем потемнела. Гнедой скакун лениво вышагивал между лесинами, а Нюргун совсем дремать стал. Только дремал он, не закрывая глаз, и внезапно, на повороте одной тропинки, увидел лучистое светящееся об-

лако. Облако висело над землёй на высоте конской гривы, ни выше, ни ниже не опускалось, ни вперёд, ни назад не подвигалось.

«Что за странное облако»,—подумал про себя Нюргун, толкнув поводьями коня. Он подъехал поближе и узнал знакомую птицу-вестника.

— Я знаю, что ты заскучал на весёлых пирах,—сказала чистым якутским языком птица-вестник,—знала, что ты будешь искать новых подвигов, знала и то, что по этой тайге неведомо куда поедешь. Ты человек именитый, попусту тебе скитаться по лесам непригоже. Новые славные дела тебя ожидают. Прилетела я к тебе с вестью: твоя Ясноглазая Матушка-Луна хочет, чтобы помог ты одной женщине, а чем помог, про то сама женщина скажет, этого я не знаю. Имя женщины—Кыс-Учугэй, живёт она в другом, восточном, углу Серединной Земли, вот и всё, что я знаю, остальное сам решай, сам думай, сам поступай, как знаешь...

С этими словами птица-вестник пропала, светящееся лучистое облако погасло, словно приснилось.

Скука, одолевшая Витязя Нюргуна, исчезла, будто её никогда не бывало. Задорно крикнув, Нюргун Стремительный Светлый Витязь поднял на дыбы гнедого скакуна, свистнул так, что листья с деревьев посыпались, и помчался напролом по тайге без дорог, без троп в другой, восточный, угол Серединной Земли.

Ехал Нюргун весну, ехал лето, ехал осень, такой длинный был путь, такая беспредельная была Серединная Земля. Началась зима, когда Витязь Нюргун стал подъезжать к восточной окраине. Сугробы снега, нанесённые ветром, лежали здесь выше гор, реки замёрзли шестислойным льдом, иней засыпал ветви деревьев, а кусты совсем запылило. В этой окраине стояла стужа, которую не каждый мог вытерпеть. Бывало, что камни от холода раскалывались, а стволы столетних сосен растрескивались пополам. Но Витязь Нюргун, закалённый в своих странствиях, холода не замечал.

В начале зимы доехал он до большой поляны, раскинувшейся среди густейшего леса. Среди снежных деревьев поляна растилась наподобие круглого пушистого ковра. На этом ковре стояла преогромная юрта, сделанная из мягких голубоватых лосиных шкур, расписанных всяческими узорами. Из дымохода юрты поднимался столб искристого дыма. Нюргун слез с коня, подвязал его к хрустальному столбу с серебряными кольцами для коновязи и вошёл в жилище.

Там было полутемно, на очаге из горных алмазов пылали берёзовые поленья. Очаг стоял в одном углу юрты, а в другом возвышались широкие нары, заменявшие кровать. Остальные два угла юрты были заставлены широкими скамьями, застланными мехами белых медведей. Пол юрты тоже покрывали пушистые шкуры.

Отогревшись, Витязь Нюргун подошёл к нарам, на которых кто-то спал, с головой покрывшись пушистым горностаевым одеялом. Отогнув край одеяла, Нюргун пошатнулся, зажмурил глаза, словно обжёгся—отскочил в сторону. Под горностаевым одеялом Витязь увидел лицо такой девушки, каких и в сказках нет. Это была Кыс-Учугэй.

Чтобы не ослепнуть от небывалой красоты Кыс-Учугэй, Нюргун стал рассматривать её издали, прикрывая глаза ладонями. Белое лицо спящей можно было сравнить с молочным тёплым жемчугом, сквозь матовую свежесть кожи на висках голубели и просвечивали жилки, которые можно было сравнить разве с голубизной первых подснежников. Щёки Кыс-Учугэй розовели так нежно, что с ними не могли равняться даже розовые зорьки в начале апреля, когда является просыпающееся после зимнего сна полярное солнце. Прямой тонкий нос, пухлые алые губы, чёрные пушистые брови, густая вьющаяся коса, разлётанная на пуховой подушке,— всё наполняло сердце Витязя Нюргуна волнением.

Он не посмел будить Кыс-Учугэй, решив сам отдохнуть после тяжкого пути, лёг на скамеечке возле дверей, снял доспехи, стараясь не греметь оружием, повесил на стене меч и свою волшебную шёлковую плётку. И едва закрыл глаза—уснул, как никогда не спал за всю свою жизнь.

Проснулся Витязь Нюргун оттого, что сквозь закрытые веки сверкало непонятное сияние. Открыв глаза, он увидел: Кыс-Учугэй уже выпалась и готовит на очаге пищу, варит в двух котлах мясо, кипятит в двух вёдрах парное молоко, в двух чоронах налито молочное сладкое вино.

Когда Кыс-Учугэй двигалась по юрте или нагибалась к очагу, подбрасывая берёзовые поленья, или помешивала в котлах пищу,—от всякого её движения в юрте вспыхивали зарницы.

Кыс-Учугэй, оказалась, не только красива, она была рослой, крепкой, даже могучей девушкой-богатыршей. Чуден был её наряд. Под платьем из бобровых спинок звенела тончайшая стальная кольчуга, ноги были обуты в мягкие сапоги-унты из шкур росомех, вышитые стеклярусом и бисером. Поверх собольего пояса в изумрудном чехле висел наточенный якутский нож с четырьмя гранями.

От прекрасного вида Кыс-Учугэй у Нюргуна стала кружиться голова, от её движений помутилось в глазах. Витязь заслонил лицо ладонями и понемногу, сначала уголком глаза, потом краем глаза, потом вполглаза, привыкал к ослепительной красоте Кыс-Учугэй. Когда, наконец, он посмотрел на девушку обоими глазами, она повернулась к нему и проговорила лебединым голосом:

— Проснулся, гость мой, Нюргун Стремительный Витязь, спал ты так хорошо, что выспался надолго. Ну, вставай, будем кушать...

Нюргун сел на корточки около очага, рядом уселась хозяйка, стали закусывать. Во время еды Кыс-Учугэй оглядывала Нюргуна и молчала. После того, как они запили вкусную пищу сладким молочным вином, Витязь подошёл к стене и хотел надеть доспехи, но Кыс-Учугэй остановила его словами:

— Подожди, Нюргун Стремительный. Ты знаешь, что я тебя ждала, хочу поговорить с тобой о важном деле, хочу с тобой познакомиться. Много о тебе люди рассказывают и, видно, говорят правду. Но мне рассказов людских мало, сама тебя испытать хочу. Вот что, Витязь Нюргун, надо тебе со мной побороться...

Нюргун покраснел, как раскалившийся докрасна железный лист; от таких слов он так вспотел, что вместо пота с его покрасневших щёк посыпались искры. Никогда он не боролся с женщинами, ни к одной женщине, кроме своей сестры, когда играли, он не притрагивался. Так ему стало стыдно, так обидно. Бороться с женщиной,—разве это богатырское дело?

А Кыс-Учугэй, глядя ему в глаза, разгадывала все его мысли.

— Гордец ты большой, Витязь Нюргун, чего ты обижаешься, ведь я сама прошу тебя побороться со мною, а не ты меня к этому приневоливаешь. Стыдиться тебе нечего, у тебя сила, да и я не из слабых...

При этих словах Кыс-Учугэй встала, вытащила из-под нар два острых двугранных меча, взяла в каждую руку по мечу, размахнулась и одним лезвием перерубила другое так чисто, словно остригла ножницами.

— Видишь, Стремительный Витязь, и у меня есть немалая сила. А ты, говорят, имеешь силу побольше, вот и хочу я попытать тебя, сразиться с тобой. А чтобы ты не очень оскорблялся, померяемся силой с тобой не на мечах, поборемся по-якутски. Так я хочу, и ты должен мне сделать уважение, должен согласиться. Пойдём во двор, а то в юрте нам будет тесно...

Нюргун после таких слов говорить ничего не мог, вышел во двор, нагнулся, как полагается в якутской борьбе, коснулся пальцами земли, вытянул руки и стал ждать. Долго ждать ему

не пришлось. Кыс-Учугэй скинула бобровое платье и в кольчуге, обтянувшей её, словно рыба золочёная чешуя, встала напротив Нюргуна, как настоящий борец, согнулась в поясе, коснулась пальцами земли и сцепилась с Витязем Нюргуном с такой силой, что тот сразу забыл, что это борется женщина. Руки Кыс-Учугэй оказались крепче рук многих богатырей. Девушка так проворно, так бурно наступала, что Нюргуну пришлось долго кружиться около её рук, только бы не быть брошенным на землю в первые минуты.

Смушение и робость мешали Нюргуну бороться, он опасался причинить боль красивейшей девушке и всячески уклонялся от решительной хватки, хотя Кыс-Учугэй боролась совсем не шутя и ломала ему кисти рук без стеснения.

Когда они, как полагается в борьбе, согнувшись, сблизилась лбами, пушистые, вьющиеся косы девушки перепутались с волосами Нюргуна. Кыс-Учугэй дышала ароматом лесных душистых цветов, сладостный ветерок её дыхания овеивал лицо Витязя, бороться с Кыс-Учугэй ему совсем не хотелось. Но Витязь понял, если он окажется слабее, девушка будет его презирать. Если он окажется сильнее и бросит её на землю изо всей силы, как следует по правилам борьбы, то будет тоже нехорошо.

В таких раздумьях Нюргун боролся час, боролся два и решил схитрить: решительной хватки не делать, на землю Кыс-Учугэй не бросать и самому не поддаваться.

Так боролись они с утра до половины дня. Кыс-Учугэй оказалась не только неопикуемой красавицей, не только имела богатырскую силу, у неё был и замечательный ум. Она поняла Нюргуна и после полудневной борьбы выпрямилась, откинула косы и улыбнулась Витязю.

— Ладно, дорогой гость, вставай прямо, гляди честно. Силы у тебя больше, чем мне говорили, больше, чем я сама думала. Ты давным-давно бросил бы меня на землю, да не хочешь огорчать меня, а я бы и не огорчилась. Но пусть будет по-твоему. Я в тебя поверила, себя испытала и тебя испытала. Пойдём в жилище, пора обедать...

Обрадовавшись, что всё кончилось так хорошо, Нюргун пошёл за нею в юрту, где за то время, пока они боролись, сварилось два котла мяса, скипело два ведра молока и в очаге прогорели дрова.

Во время обеда Кыс-Учугэй говорила, Нюргун молчал. Вот что рассказала девушка-богатырша, Кыс-Учугэй, своему гостю:

— Был у меня любимый младший брат, по имени Дорогостай. По наружности, по силе, по смелости и по уму он равен

тебе. Всю свою молодую жизнь боролся он с тёмными силами зла, защищал обиженных, утешал слабых, помогал обездоленным. О подвигах его сложены песни и сказания по всей Серединной Земле. Отважный и могучий, Дорогостай путешествовал в горных странах, странствовал по бескрайним степям, побывал в нижних землях, спускался в преисподние бездны. Везде он сражался за справедливость. Прославив своё имя, Дорогостай вернулся домой и здесь узнал, что злой колдун, силач Мутный Чародей Ал Хара задумал покорить всю Серединную Землю, все богатства жителей украсть, стариков и детей убить, а всех остальных сделать своими рабами. Чтобы покорить Серединную Землю, Ал Хара начал вязать колдовскую невероятной длины и непомерной ширины сеть. Ал Хара хотел этой страшной сетью опутать нашу Серединную Землю, как паук опутывает иногда паутиной пустые юрты.

Мой брат, отважный Дорогостай, решил разрушить замысел злого колдуна и уничтожить его чародейскую, погибельную сеть.

Ал Хара живёт в проклятом болоте, где такая трясина, что водяные жуки пройти не могут, где комары боятся сесть на зыбучие кочки. Мой брат ворвался в болото, и хотя разорвал на части колдовскую сеть, но увяз в трясине. Ал Хара одним из обрывков сети накрыл его. Там теперь и страдает отважный мой Дорогостай многие годы. Когда он начинает подниматься из болота, Ал Хара встряхивает сеть и снова топит Дорогостая. Утопить богатыря он всё-таки не может, но брату надо помочь, силы его на исходе. Я дважды добиралась до трясины, вызывала Ал Хара на бой, но колдун не вылезает из своей норы. Чтобы достать его, надо проникнуть сквозь сеть, висящую над трясиной; дважды я старалась разорвать сеть, и не могла.

Весной я решила ехать в третий раз, но тут подумала о тебе, вспомнила о твоей славе, попросила Солнце—Тёплого Отца всех живущих на Серединной Земле, чтобы он известил тебя, может ты поможешь. Прежде чем ты будешь отвечать, подумай, гордость откинь, сам себя проверь. Помни, Витязь Нюргун, пока отважный Дорогостай беспокоит страшного Ал Хара, колдун от сети уйти не может и плести ему сеть больше нельзя. Помни также, если бы Дорогостай вырвался из сети, он один мог бы уничтожить Ал Хара. Говорю это тебе не в обиду. Знай также, если ты не найдёшь силы разорвать сеть, сам попадёшь в трясины, и тебя постигнет участь Дорогостая...

— Мне говорить трудно,—сказал Витязь Нюргун,—хвататься не стану, хватит или нет у меня силы разорвать колдовскую сеть, это на деле нужно испытать. Брата твоего, отважно-

го Дорогостоя, выручить надо, и я это сделаю или сам погибель приму. Об этом толковать не стоит. «Для чего рождается добрый конь—для того, чтобы мчаться быстрее других. Для чего рождаются богатыри, для того, чтобы делать богатырские дела». Такие пословицы якутский народ говорит. Если я в такой борьбе погибну, обо мне песни будут петь, а если я сейчас отступлюсь от подвига, кто обо мне похвальное слово скажет. Ты сама, Кыс-Учугэй, выгонишь меня из дома, глядеть на меня не станешь, так это или не так?

— Так!—ответила прекрасная Кыс-Учугэй.—Я знала, с кем говорю, и полюбила тебя всем сердцем за твою честность и бесстрашие. Поезжай, Нюргун Стремительный Светлый Витязь, если вернёшься с победой и меня полюбишь, буду я твоей женой. Если не вернёшься, на место твоей гибели и я приеду погибать...

Выслушав такие речи, Нюргун стал готовиться к походу, чистить боевые доспехи, точить меч, острить стрелы. Кыс-Учугэй кормила и поила гнедого скакуна. Два дня готовился Витязь Нюргун к новой поездке, а на третий день, на заре, сунул свою волшебную плётку за пазуху, поцеловал на прощанье Кыс-Учугэй, как свою невесту, и с места поднял скакуна в воздух.

Конь загрохотал копытами по облакам, и всадник исчез из вида быстрее, чем исчезает стрела, выпущенная из тугого лука.

СКАЗКА ТРИНАДЦАТАЯ

О ТОМ, КАК НЮРГУН СРЕМИТЕЛЬНЫЙ СВЕТЛЫЙ ВИТЯЗЬ
РАЗОРВАЛ КОЛДОВСКУЮ СЕТЬ, УНИЧТОЖИЛ МУТНОГО
ЧАРОДЕЯ АЛ ХАРА И ОСВОБОДИЛ БОГАТЫРЯ ДОРОГОСТАЯ

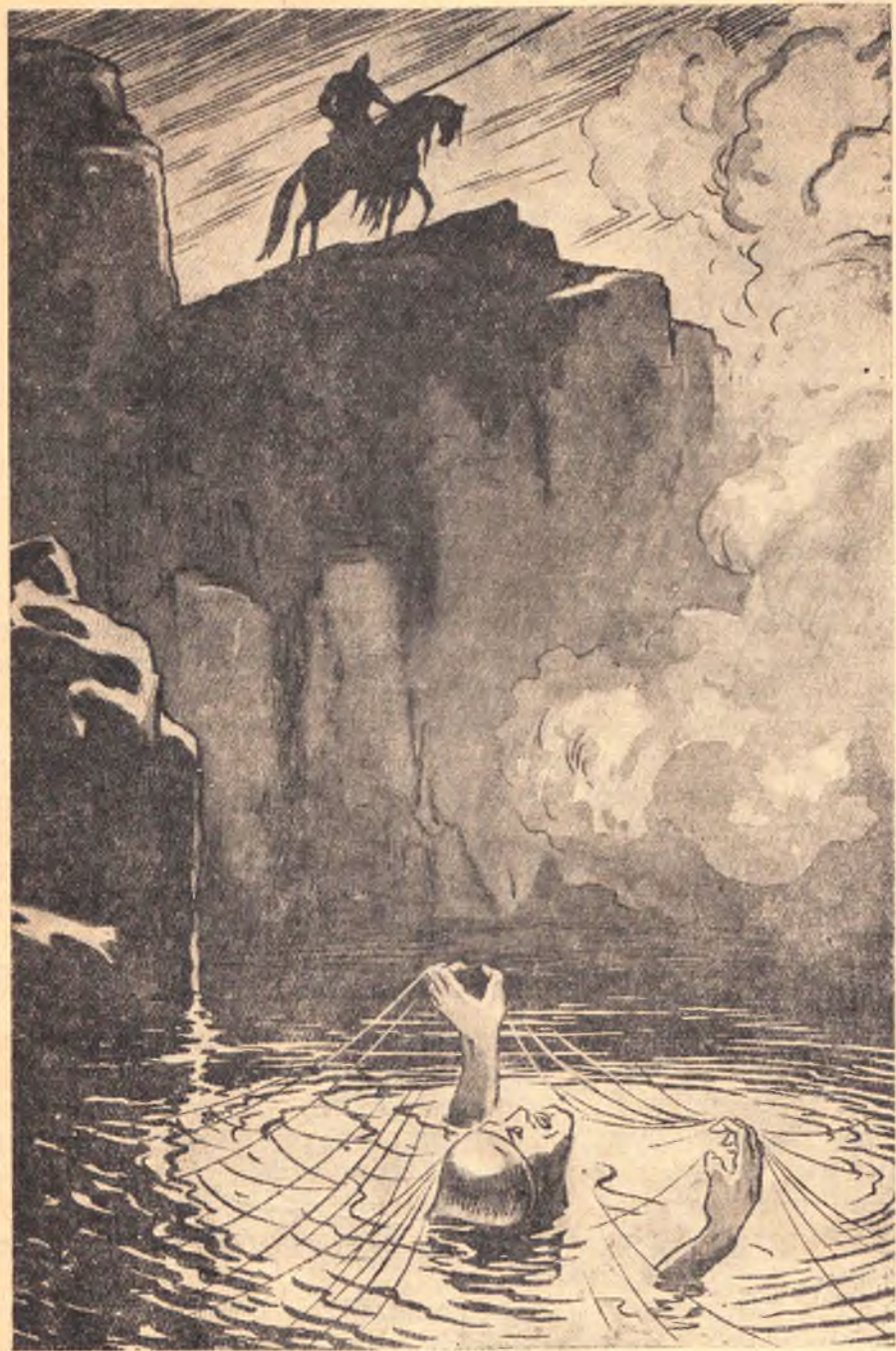

КОЛЬКО времени ехал Нюргун до трясиного болота, и сам не знает. Наконец, однажды гнедой скакун словно споткнулся, встал четырьмя копытами на гребне неведомых гор и вытянул шею. Дальше скакать было некуда.

Топкое бесконечное болото уходило вдаль до края земли. Жидкая гнилая трясина вздувалась, похожая на ржавое, прокисшее тесто. Моховые разбухшие кочки плавали в студенистой воде и не выдерживали даже тяжести комара. Если на такую кочку садился крылатый водяной жук, трясина в одно мгновение засасывала его вместе с кочкой. Над болотом всюду подымались дымные испарения, как будто под болотной жижей горели невидимые костры.

Поверх всего болота, насколько было видно глазу, лежала тонкая сеть, с отверстиями настолько большими, что через них могла легко пройти голова самого рослого человека. Сеть всё время дёргалась, пучилась и снова опадала. Приглядевшись внимательно, Витязь Нюргун увидел чьи-то руки, цеплявшиеся за кочки, потом показался шлем, покрытый тиной, потом появилось лицо богатыря Дорогостая. Он изо всех сил старался выбраться, выплыть из болотной трясины.

Как только богатырь высовывался из болота до пояса и касался головой колдовской сети, сеть вдавливала его снова в трясину, на виду оставались сначала лицо, потом один шлем, потом только пальцы. Затем, видимо набравшись под трясинной

водой сил, Дорогостай снова начинал подниматься наверх, и снова колдовская сеть вдавливала богатыря в зыбучее болото.

Глядя на бесконечные мучения Дорогостая, Витязь Нюргун почувствовал, как его сердце наполняется не страхом, а яростью.

— Эй, друг, отважный Дорогостай, а где хозяин этой проклятой трясины?

Богатырь Дорогостай, высунувшийся в эту минуту почти до пояса, показал рукой в середину болота, где особенно густо плавали гнилые кочки и клубился чёрный пар.

— Гляди туда!— успел крикнуть Дорогостай, сеть накрыла его шлем, и булькая, отплёвывая тину, богатырь опять погрузился в глубину зыбуна. Из воды поднялись скрюченные пальцы и показали в сторону густых кочек. Нюргун всмотрелся и увидел наконец Ал Хара.

Зловещий колдун Ал Хара, имевший ещё и другое имя— Мутный Чародей, сидел на самой большой, вспученной кочке. По виду он напоминал огромного паука с четырьмя головами. Восемь мохнатых кривых ног он поджал под отвислое брюхо, а на спине встопорщил семь колючих игл. Чудовище было так противно, глядело на Витязя Нюргуна всеми восемью глазами так злобно, что Нюргун, хотя и не испугался, а мурашки побежали у него по всему телу.

Витязь сошёл с коня, натянул лук и стал пускать стрелы, стараясь попасть хотя бы в одну голову Мутного Чародея.

Ал Хара, не обращая внимания на Нюргуна, шевелил сразу всеми четырьмя головами, и ни одна стрела в него не попала. Расстреляв весь запас стрел, Нюргун вытащил палицу, хорошо нацелился и метнул её в игольчатую спину Ал Хара. Палица упала точно, куда хотел Нюргун, но Мутного Чародея даже не задела. Колдовская сеть подхватила оружие Нюргуна, и оно, скользнув в отверстие сети, упало в сторону от Ал Хара и затонуло в трясины.

Ал Хара заворочал всеми четырьмя головами, и Нюргун услышал пискливый смех. В это время туловище богатыря Дорогостая появилось из трясины, Мутный Чародей стал дёргать сеть всеми восемью ногами, а Дорогостай успел только крикнуть:

— Пока не порвёшь колдовскую сеть, до Ал Хара не доберёшься, оружием пробиться нельзя. Надо бы...

В эту минуту сеть натянулась, а голова богатыря снова пропала в трясины. Дорогостай что-то хотел показать пальцами, но Витязь Нюргун не мог понять и рассерженный стал ходить по гребню скалы, по временам поглядывая на болото.

«Придётся мне прыгать на эту колдовскую сеть,—думал Витязь Нюргун, расхаживая по камням,—может быть, я своей тяжестью разорву эту паутину и доберусь до Ал Хара, авось, вдвоём с Дорогостаем справимся с проклятым пауком, а потом как-нибудь выберемся из болота. Пожалуй, так и надо делать. А, может, не так? С кем бы мне посоветоваться?..»

Только он так подумал, в воздухе зашелестели крылья, и рядом с ним очутилась птица-вестник.

— Тебе нужен совет, тебе нужна помощь!—сказала птица.—Хорошо, что ты надеешься на свои силы, но и Дорогостай богатырь великий, и у него силы-храбрости много. Мутного Чародея осилить надо умеючи. Прыгнешь ты в болото, разорвёшь сеть, доберёшься до Ал Хара, а он тебя восемью ногами обовьёт, семью ядовитыми иглами проколет, четырьмя челюстями загрызёт. Борьбу с таким колдуном, с таким Мутным Чародеем, в одиночку лучше тебе не начинать. Прими мою помощь! Что я делать стану, увидишь сам. А ты поступай, как задумал, помни, что не один, это самое главное...

Ободрённый словами птицы-вестника, зная, что она ему как умеет поможет, Витязь Нюргун крикнул боевой клич, упал на землю, перевернулся и превратился в морского орла с пятнистыми крыльями, острым клювом, похожим на пешню, которой долбят лёд. На орлиных ногах выросли длинные когти, похожие на отточенные косы, которыми якуты косят самую жёсткую траву. Став орлом, Нюргун сложил свои громадные перепончатые крылья, подобные стальным пластинам; развернул, как острогу, которой колют рыбу, длинный железный хвост; оттолкнулся от гребня скалы и радугой полетел вниз. Падая, он закричал богатырю Дорогостаю:

— Поберегись, друг, не попади под меня, чтобы я не потопил тебя совсем. Наступил час, когда решается твоя и моя судьба! Наступило время, когда может погаснуть отражение солнца и отблеск луны! Держись, друг Дорогостай! Если я, падая в трясину, не вынырну обратно, ты не медли, выходи сквозь прорванную дыру в сети, выбирайся на свободу, обо мне не думай!..

Когда Нюргун, превратившись в орла, падал с высоты скал в трясинное болото, Ал Хара поднял сеть навстречу. Нюргун со свистом врезался в сеть, сеть лопнула со звуком взорвавшегося льда, через прорванное отверстие Нюргун хотел кинуться на Мутного Чародея, но тот, подняв восемь ног, опутал Нюргуна-Орла паутиной, и Витязь продолжал падать в смертную трясину спутанный и беспомощный.

Однако, прежде чем Нюргун упал, птица-вестник, летевшая рядом, подставила под ноги орла бубен, оказавшийся у неё в

клюве. Бубен был тоже волшебный, он плавал в воздухе, как твёрдое облако. Ударившись о бубен, Нюргун принял человеческий вид, разорвал паутину, выхватил прямой сверкающий меч и бросился на Мутного Чародея. А у того уже осталось только две головы. Как только Нюргун прорвал колдовскую сеть, в которой были вложены все силы Ал Хара, у колдуна пропала храбрость, богатырь Дорогостай успел выскочить из трясины на кочку и рубил одну за другой ядовитые головы страшного колдуна.

Вдвоём Дорогостай и Нюргун изрубили Ал Хара на куски, в мелкие клочья разорвали обессиленную чародейскую сеть, и болото засосало останки своего бывшего хозяина и всё его колдовство вместе с ним.

Потом оба богатыря встали на летающий бубен, который поднял их на гребень утёса, где Нюргуна ожидал его гнедой скакун.

Здесь Нюргун отдал летающий волшебный бубен птице-вестнику, поблагодарив её за помощь. Птица сейчас же исчезла, будто её и не было, а Нюргун и Дорогостай сели вдвоём на гнедого скакуна и поехали к Кыс-Учугэй.

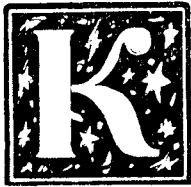
Хотя гнедому скакуну было тяжело нести на себе двух таких больших наездников, но добрый конь так радовался новой победе своего хозяина, что пробежал обратный путь до юрты Кыс-Учугэй в два раза скорее, чем в первый раз.

СКАЗКА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О ТОМ, КАК ВИТЯЗЬ НЮРГУН СО СВОЕЙ ПРЕКРАСНОЙ ЖЕНОЙ
КЫС-УЧУГЭЙ ВЕРНУЛСЯ НА РОДИНУ

КЫС-УЧУГЭЙ ещё издали увидела мчавшегося по облакам гнедого скакуна с двумя ездоками. Проворно она разожгла очаг, поставила подогреть заранее нажаренное мясо, насадила на железный прут заранее нарезанные куски оленьего окорока, открыла большую кадучку со сладким творогом, налила в праздничные чаши свежего кумысу, надела на себя лучшие наряды и успела встретить богатырей у въезда в изгородь.

В обеих руках Кыс-Учугэй несла высокие чаши-чороны, выточенные искуснейшими резчиками из целых кусков слоистой берёзы. Нюргун Стремительный Светлый Витязь и богатырь Дорогостай, подъехав к деревушке, соскочили разом с гнедого скакуна, приняли каждый по чаше, из рук в руки, выпили пенный кумыс и стали здороваться с Кыс-Учугэй. Она обняла брата, поцеловала его трижды, потом обняла Нюргуна и поцеловала его пять раз. У храброго Витязя от волнения застучало сердце, на груди треснул кованый панцирь. А Кыс-Учугэй, улыбаясь, посмотрела на своего спасённого брата, вынула из кармана кольцо, сделанное из огромного алмаза с изображением летящего орла, и надела кольцо Нюргуну на средний палец левой руки. Нюргун достал из-за пазухи кольцо, сделанное из прозрачного лазурного самоцвета с изображением цветка, и надел это кольцо на мизинец правой руки Кыс-Учугэй. Тогда богатырь Дорогостай достал откуда-то ещё два кольца, выкованных из мягкого волокнистого железа. На каждом из этих колец было изображение многолучевой звезды, увенчанной радугой.

Богатырь Дорогостай надел железные кольца Нюргуну и Кыс-Учугэй, обоим на безымянные пальцы правых рук и поздравил Витязя и сестру с обручением.

Через три дня была свадьба. Гостей на свадьбе Нюргуна и Кыс-Учугэй никого не было, но в свадебное утро возле юрты опустилось на траву лёгкое облако. На нём, как на ковре, были разложены подарки—посуда, одежда, новое оружие, конская и оленья упряжь, много дорогих камней, ожерелий и других нарядов. Это Солнце-Тёплый Отец и Луна-Ясноглазая Матушка посылали дар молодой жене своего сына Нюргуна.

Вскоре после свадьбы Нюргун задумал возвратиться в родные места, к своей юрте. Жилище Кыс-Учугэй было раскладное, в то время люди жили, часто перекочёвывая с места на место. Лосиные кожи, обтягивавшие высокие стены, сняли и свернули трубками, столбы выкопали, изгородь и коновязи разобрали. Всё имущество зашили в кожаные тюки, посуду и утварь положили в мешки и всё погрузили на сани и нарты.

Чтобы перевезти на новое место юрту Кыс-Учугэй со всем имуществом, потребовалось тысяча подвод. Когда обоз тронулся в кочевье, богатырь Дорогостай следом погнал стада оленей, косяки лошадей, гурты быков и коров. На пять вёрст растянулся кочевой караван, и шёл он до родной юрты Нюргуна пятьсот дней.

Когда Кыс-Учугэй с мужем и Дорогостаем прибыла к родной юрте Нюргуна, навстречу им вышли Уолан Юрун и Тарыма-Кун, с ними рядом на толстых ножках, переваливаясь, бежал годовалый мальчик, их сын, племянник Нюргуна, родившийся в то время, когда Витязь ездил на битву с Мутным Чародеем. На радостях Нюргун решил, что свою юрту он уступает в подарок племяннику и его родителям, Тарыме-Кун и своему двоюродному братцу Уолан Юруну.

Кыс-Учугэй и богатырь Дорогостай стали ставить свою юрту, вбивать столбы, растягивать лосиные кожи для крыши. А в это время с западной стороны послышался топот, ржанье коней, лай собак, и появился ещё кочевой караван в десять раз больше обоза Нюргуна и Кыс-Учугэй.

Оказалось, мать Тарымы-Кун, почтенная женщина, не вытерпела разлуки с любимой дочерью и собралась перекочевать к юрте Нюргуна; с нею переселились все жители посёлка, семь больших жилищ-урас с берестяными стенами и семь малых юрт с меховыми крышками.

На месте одинокой юрты Нюргуна сразу вырос целый посёлок.

Красавица Айтал-Куо, её муж—богатырь Кюн Дирибинё прибежали здороваться с Нюргуном, знакомиться с Кыс-Учугэй. Началось великое пирование, большое гостевание.

Пока ставили юрты, складывали очаги, варили и жарили пищу, почтенная женщина, мать Тарымы-Кун, посадила в середине посёлка семь молодых белокорых берёзок, которые выкопала в старом посёлке и привезла с собой, сохранив корни. Посадив берёзки в середине посёлка, почтенная женщина обрызгала их кумысом и сказала Витязю Нюргуну:

— Пусть растут деревья, которые мы будем украшать в дни праздников Исыаха; пусть растут дети, которые станут опорой нашей старости; пусть множатся стада и расцветают цветы на пастбищах! Место, где ты решил поселиться, Нюргун Стремительный Светлый Витязь, отныне да будет главным, лучшим местом всей Серединной Земли. Оно станет называться Улусом Большого Солнца, слава о нём пойдёт от ледяных морей до горячих пустынь, от холодных берегов, до тёплых озёр. В Улусе Большого Солнца, ты, Витязь Нюргун как первый человек среди людей, должен построить себе достойное жилище, в простой юрте жить тебе зазорно, гостей принимать тесно: людей, которые к тебе на совет приходять станут со всей Серединной Земли, ты должен встречать, как подобает, с честью. Поэтому, дитячко милое, Нюргун Стремительный Светлый Витязь, посылай посыльного скорохода, зови трёх именитых братьев, кузнечных мастеров: Кудлу, Кадлу, Кыдлу. Эти великие кузнецы построят тебе высокое чудесное жилище и других жителей строить начат.

СКАЗКА ПЯТНАДЦАТАЯ

О ТОМ, КАК МАСТЕРА-КУЗНЕЦЫ КУДЛУ, КАДЛУ И КЫДЛУ
ПОСТРОИЛИ НЮРГУНУ ЧУДЕСНОЕ ЖИЛИЩЕ И КАК
ВИТЯЗЬ НЮРГУН НАЧАЛ МИРНУЮ ЖИЗНЬ

ПОСЫЛЬНЫЙ-скороход на пегом олене, которого Витязь Нюргун отправлял приглашать знаменитых кузнечных мастеров, вернулся в тот же день и сказал, что они выйдут со своим кузнечным инструментом в ночь, а поутру будут у Нюргуна. Мастера просили, чтобы к их приезду было приготовлено три тысячи повозок с горючим блестящим камнем.

Всю ночь жители Большого Солнечного Улуса копали и возили горючий камень. Даже красавицы Кыс-Учугэй, Айтал-Куо и Тарыма-Кун работали вместе с мужьями.

На заре тысяча повозок горючего камня были подвезены к улусу. А вместе с первыми лучами солнца появились и мастера-кузнецы.

Кудлу, Кадлу и Кыдлу приехали на трёх сотнях быков, влочивших железные сани с переносными горнами, наковальнями и молотами. Одних кузнечных мехов для поддувания огня в горнах привезли десять саней. Обоз кузнечных мастеров подъехал с гроханьем и звяканьем, распугивая таёжных зверей и птиц.

Поздоровавшись со всеми жителями, кузнечные мастера скушали по котлу варёного мяса каждый, выпили по ведру варёного молока и по ведру прохладного кумыса, съели каждый по кадушке сметаны и, хотя всю ночь находились в дороге, не отдыхая, принялись за работу.

Дело в руках мастеров подвигалось скорее, чем в сказках. Из гранитных глыб мастера сделали плавильную печь, собрали переносные горны, поставили поддувала и начали работу.

К полудню Кудлу, Кадлу и Кыдлу изготовили бесчисленное множество острогранных и круглых столбов, выковали круги и полукружья, отшлифовали неизмеримое число листов тонкого волнистого железа.

После обеда кузнецы принялись ставить столбы, скреплять круги и полукружья, окольцовывать витыми балясинами подпорки.

За один день мастера поставили остов просторной высокой юрты. Ребристые балки поднимались куполом выше самого высокого кедра. Ночью мастера-кузнецы не ложились спать, а к рассвету вывели прямой, длинный камин с дымовой трубой. Они успели даже разукрасить стены камина узором из разноцветных кирпичей. Заслонку камина отлили из зернистого чугуна, а перед жерлом, куда вталкивают дрова, настлали мраморный пол в шахматную клетку: одна клетка синего мрамора, другая красного мрамора.

К полудню второго дня мастера обшили чеканными листами волнистого железа южную половину здания, а к исходу второго дня обшили и северную половину. Этой ночью кузнецы тоже не спали и к новой утренней заре выстроили крыльцо с навесом и лестницу с сорока четырьмя ступенями. Перила лестницы изготовили из витых железных прутьев, навес поставили с корытцами для стока дождевой воды.

В течение третьего дня славные мастера-кузнецы построили шесть амбаров, конюшню для шестидесяти коней, коровник для шестисот коров, вырыли погреб и покрыли его пол и стены самыми тонкими пластинами белого дерева.

К вечеру третьего дня кузнецы кончили работать, сняли кожаные фартуки и попросили тридцать кадушек горячей воды. Долго они смывали копоть, пот и угольную пыль со своих могучих тел, потом вытерли друг друга мохнатыми полотенцами из перьев сизых уток, расчесали волосы, надели шапки и повели Нюргуна, Кыс-Учугэй и всех жителей осматривать работу—принимать жилище.

Новый дом Витязя Нюргуна поднимался на поляне, в середине тайги, как дворец. Он был с круглой крышей, покатыми стенами, тридцатью окнами вниз и девятью окнами вверх.

Внутри жилище Нюргуна было круглой палатой. Широкие нары могли вместить всех жителей посёлка. Нары были разгорожены на отдельные помещения толстыми чугунными стенами. Около очага стояли десять больших столов, десять малых столи-

ков и пятьдесят железных плетёных табуреток. Кругом, вдоль стен, где не было нар, шли просторные скамейки с приступочками для ног.

Нюргуну и Кыс-Учугэй новое своё жилище так понравилось, что они не знали, как благодарить искусных мастеров. Витязь Нюргун щедро заплатил кузнецам за работу, а они подарили ему три колыбели из такого мягкого, прокованного железа, что казалось, это не железо, а бархат.

— У тебя, Нюргун, будет не меньше трёх сыновей, и все будут витязи,—сказали в один голос кузнецы Кудлу, Кадлу и Кыдлу, и каждый поднёс ему по колыбельке.

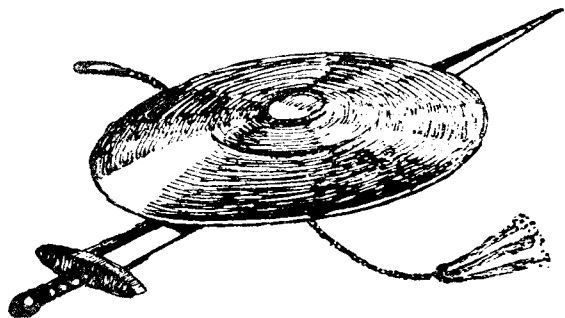
Нюргун Стремительный Витязь проводил кузнецов со всем обозом до первого поворота и пожелал им успешных трудов на многие годы.

Долго ещё в тайге было слышно грохотанье и звяканье кузнецкого обоза, потом всё затихло, а Нюргун вернулся в новое жилище, в улус Большого Солнца, где стал жить и трудиться: разводил скот и расчищал пастбища, охотился на диких зверей и ловил рыбу.

Со всех сторон к Большому Солнечному Улусу прикочёвывали жители, и скоро посёлок сделался действительно самым большим якутским улусом на всей Серединной Земле.

Как предсказали кузнецы, у Нюргуна родилось трое сыновей, да ещё трое дочерей, все они по рождению были внуки солнца.

Дети Нюргуна и Кыс-Учугэй породнились с детьми жителей, и от них произошёл народ, имя которому—якуты-сахалары, то есть настоящие люди.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сказка первая	
о Серединной Земле и жителях солнечных деревень	3
Сказка вторая	
о том, как появился Нюргун в Серединной Земле	7
Сказка третья	
о том, как кончилось детство Нюргуна	14
Сказка четвёртая	
о том, как была украдена Айтал-Куо, сестра витязя Нюргуна	19
Сказка пятая	
о том, как Нюргун победил Чёрного Верзилу и освободил свою сестру, красавицу Айтал-Куо	23
Сказка шестая	
о том, как Нюргун поборол Железного Великана и выручил из беды красавицу Тарыму-Кун	31
Сказка седьмая	
о том, как испытывали Нюргуна купаньем в мёртвой воде	40
Сказка восьмая	
о пропавшем без вести богатыре Кюн Дирибине и его тридцати товарищах	48
Сказка девятая	
о том, как Нюргуну подарили волшебную плётку и как он встретился в первый раз с Подземным Драчуном	53
Сказка десятая	
о том, как Нюргун победил Подземного Драчуна—Уот Утускана и освободил пленных богатырей	60
Сказка одиннадцатая	
о том, как Витязь Нюргун вернулся в родную юрту и по ошибке вступил в борьбу с двоюродным братом своим, Уолан Юруном	69
Сказка двенадцатая	
о том, как Витязь Нюргун ездил к прекрасной девушке Кыс-Учугэй, и о том, что она ему рассказала	74
Сказка тринадцатая	
о том, как Нюргун Стремительный Светлый Витязь разорвал колдовскую сеть, уничтожил Мутного Чародея Ал Хара и освободил богатыря Дорогостая	83
Сказка четырнадцатая	
о том, как Витязь Нюргун со своей прекрасной женой Кыс-Учугэй вернулся на родину	88
Сказка пятнадцатая	
о том, как мастера-кузнецы Кудлу, Кадлу и Кыдлу построили Нюргуну чудесное жилище и как Витязь Нюргун начал мирную жизнь	92

Редактор В. Г. Волкова

Художники В. К. Фридеман и В. Н. Дружинин

Техн. редактор Ф. Г. Фёдорова

Корректор Ж. Н. Добровольская

Слано в набор 12 ноября 1949 г. Подп. к печати 20 февраля 1950 г.
 Бумага 55×84¹/₈. Печ. л. 12. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 10000. Заказ № 2223. НЕ 00339.
 Цена 2 р. 70 к.

Отпечатано в 12-й типографии Росполиграфиздата
 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 11.